

Александр Матвеев

Чудаки на Кипре

Александр Иванович Матвеев

Чудаки на Кипре (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34343398

Чудаки на Кипре:

ISBN 978-5-00095-286-3

Аннотация

Александр Матвеев – автор книг прозы «Люди из ниоткуда» (2009 г.), «Такая беспощадная любовь» (2012 г.), «Дочь из прошлого» (2015 г.), его перу принадлежит ряд поэтических сборников. Уроженца села Долочье на Хмельнитчине (Украина) в юности позвало море – на Дальнем Востоке стал капитаном дальнего плавания, овладел иностранными языками. В его переводе изданы стихи великого английского поэта XVIII в. Уильяма Блейка «Песни невинности и опыта» (2009 г.). Известные композиторы из Москвы, Киева, Херсона создали ряд песенных циклов на стихи Александра Матвеева.

В новой книге рассказов «Чудаки на Кипре» вы найдете множество увлекательных историй и захватывающих сюжетов. Она – о легендарном острове и его достопримечательностях, о киприотах, трудолюбивых и весёлых, о беззаботных туристах и иностранцах, которые полюбили Кипр и остались жить в этой солнечной стране. Все они немножко чудаки... И, возможно, читатель узнает в том или ином герое книги и себя.

Содержание

Женщина в парео	5
День апельсина	19
У синего моря	33
Сюрприз от Дженис	46
Мой друг Эзопос	61
Чудаки на Кипре	73
Вечер с Дафной	86
Взбалмошная подруга	100
Манана – чистая душа	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Александр Иванович Матвеев Чудаки на Кипре

© Матвеев А.И., 2017

© Метельский Ю.Н., иллюстрации, 2017

© Самсонадзе М., иллюстрация на обложку, 2017

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2017

* * *

Женщина в парео

Увидев её, Всеволод привстал с лежака в восторге и смущении. Мысленно назвав её Мадам, представил, как он подойдёт к ней и попытается что-то сказать, чтобы познакомиться. Например: «Мадам, вы так прекрасны, что я...». Нет, слишком обыденно.

Мадам, видимо, тоже понимала, что она нравится окружающим. Может, она ощущала эти цветные мысли-стрелы, которые мужчины и женщины метали в её сторону: красные жгли её кожу страстью, зелёные холодили завистью, а оранжевые – ласкали восхищением. Под туникой отчётливо проступало красное бикини, которое будоражило воображение Всеволода. А фигура?! Сказка! Песня! Высокая шея, слегка удлинённое лицо, аккуратно причёсанные волосы, стянутые сзади голубой лентой. Хвостик волос интригующе прыгал в такт её движениям. Казалось, что, поставь ей на голову кувшин с водой, она на ходу не прольёт ни капли и даже не заметит его. И лицо... На расстоянии черты не просматривались чётко, но было понятно, что она – не юная девушка, а зрелая, в самом соку женщина элитного разлива.

Всеволод подумал, что дивная красавица – нездешняя, не из этой компании людей на пляже, не из этого города и не из этого времени. Но, видимо, она всё-таки была туристкой, так как в её руках была большая белая пляжная сумка с ло-

готипом отеля «Four Seasons».

Невероятно было видеть, как таинственная незнакомка, словно пришелица из других миров, идёт по пляжу среди полуобнажённых фигур, не обращая ни на кого внимания, останавливается возле деревянного лежака, и тут же, как по мановению волшебной палочки, возле неё появляется киприот Джордж с пляжными полотенцами.

Она снисходительно кивает головой, отпуская Джорджа, и он постепенно исчезает в утренней дымке, подобно «Летучему голландцу».

Начинался спектакль, за которым наблюдал пляжный люд. Мадам медленно снимала платье. Те мужчины, которые дремали, не выдерживали и вскакивали в каком-то неясном для них самих возбуждении. Мужик лет за шестьдесят, восточной внешности, забыв о том, что рядом с ним находится жена и многочисленные родственники, привстал с лежака, попробовал подтянуть отвисший живот и уставился на Мадам, как на чудо. В позе готового к прыжку престарелого ко-та он стоял, не обращая внимания на жену и родню, наблюдая за явлением женщины на пляже, то и дело смахивая пот со лба и залысин. А наблюдать было за чем. Мадам выскользнула из туники, на некоторое время замерла, потом аккуратно уложила одежду в пляжную сумку; потом... потом – тишина, вдруг нарушенная стайкой воробышков, усевшихся на траву рядом с ней и тут же притихших, видимо, от восхищения молочно-белым телом женщины.

Сидевший невдалеке от Всеволода молодой мужчина, словно очнувшись от летаргического сна, с трудом закрыл рот и прошептал громко:

– Что это? Мираж?

– Это – женщина! – сказал глупость Всеволод категоричным тоном.

Но сосед продолжал:

– Да! Королева. Впервые вижу такую на пляже.

Всеволоду очень хотелось подойти к Мадам, сказать что-нибудь, посмотреть в её глаза, но он понимал, что нельзя этого делать, чтобы не навлечь гнев остальных мужчин.

Тем временем Мадам побрызгала на своё мраморное тело жидкостью из баллончика, и оно на глазах стало приобретать бронзовый загар.

– Охренеть можно! Ашот, купи мне такой баллончик! – громко сказала полная блондинка, спутница восточного человека.

– Угу... – прохрипел Ашот, не отрывая взгляда от Мадам. Она достала из сумки какой-то пакет и стала медленно разворачивать его, внутри оказался кусок белоснежной ткани с двумя длинными лентами; завернувшись в ткань, небрежно завязав ленты на груди и соорудив из них большой бант. Все её движения были изящны и утончённы. И Всеволод поймал себя на том, что его мысли стали обретать высокопарную стихотворную форму:

И не постичь нам тайну этой Жизни, данной Богом,
Как не постичь вовеки таинство любви земной.
Молюсь я сердцем Женщине в уединенье строгом:
О Женщина! Ты – Жизнь! И всё – в тебе одной.

Опять раздался голос толстухи:

– Вот это да! Ашот, я хочу такое же парео.

– Угу... – повторил Ашот.

А Мадам, перебросив через плечо маленькую красную сумочку, плывущей походкой отправилась к морю, но на прогулочной дорожке свернула влево и исчезла за изгородью из цветущего кустарника. Хотя Всеволоду показалось, что в последний момент она повернула голову в его сторону и слегка улыбнулась.

Что тут началось после её ухода!

– Красавица! Чудо! – воскликнул сосед Всеволода.

– Ведьма! – взвизгнула Ашотова дама.

– Фея! – негромко сказала бабушка, идущая с внуком к морю.

– Принцесса! – вскрикнула девочка лет семи. – Она – принцесса. Я читала! Мама, она – принцесса!

Ашот продолжал молча стоять, словно в столбняке, пока одна из женщин не утащила его к многочисленной свите. Ашотова жена с рязанским миловидным лицом стала назидательно и требовательно увещевать его. Тощий мужичок, видимо, родственник, тоже будучи в прострации, пытался что-то сказать. Невзрачные женщины перебили его, не дав

закончить фразу, и показывали Ашоту на девушку лет двадцати с крупным бюстом и прелестным животом, которая из гостиничного полотенца пыталась изобразить парео.

О, парео! Колдовство полинезийских женщин! Кусочки ткани, прикрывающие избранные места на теле. Парео... В любом киоске на юге можете купить лёгкий цветной платок, обернуть вокруг талии и, завязав узлом концы, превратить его в платье или юбку. Так издревле поступают знойные красавицы тропических стран, так поступают и наши современницы на любом пляже.

«Э, нет, — думал Всеволод, — таитянские девушки вряд ли носили бикини, парео было их единственной одеждой». Вдруг он, словно споткнувшись на бегу, стал лихорадочно вспоминать. Мадам пришла на пляж в полупрозрачной цветной тунике, под ней ясно виделось красное бикини. Потом она сняла тунику и осталась... В чём же она осталась? Получается, что она снимала бикини и какое-то время стояла обнажённой? Всеволод готов был биться об заклад, что она обернула голое тело белоснежной тканью так, как это делают женщины Полинезии, Гаити или какой-нибудь другой тропической страны. Красного бикини не было под парео. И вообще никакого бикини не было! Но почему, почему он не заметил, как Мадам снимала бюстгальтер, трусики и оборачивала тело платком? Никто на пляже не заметил? Никто не видел её стоящей какое-то время совершенно голой? Всеобщий ступор! Почему?

«Старым становишься, Мареев!» – сказал он и подошёл к лежаку Мадам. В сумке увидел красное бикини. «Дурак слепой, – обругал себя в сердцах Всеволод. – Накинула парео, а потом освободилась от бикини. Все женщины так делают».

Не задерживаясь, он прошёл дальше, к палатке Джорджа.

– Джордж, что это было?

– Мадам? Она сегодня впервые появилась у нас, – ответил, улыбаясь, всё понимающий Джордж, мужчина лет сорока.

Странное дело, Джордж тоже назвал женщину Мадам. Впрочем, это обычное обращение к незнакомой женщине более высокого положения в Англии и некоторых других европейских странах. Но гордые киприоты, даже когда Кипр был под протекторатом Англии, не использовали слово «мадам» при обращении к женщине. Тем удивительнее было слышать его от опытного ловеласа Джорджа.

– И ты не познакомился с ней? Зная тебя уже лет десять, я не могу поверить, что ты упустил такой шанс.

– Я смутился впервые в жизни. Не знал даже, что ей сказать.

– Почему?

– Невероятно красивая. Таких красивых не бывает.

– Куда она ушла?

– Не знаю. Если бы не работа, я побежал бы за ней.

Но Всеволод не побежал, и не потому, что вспомнил про подагру, а потому, что смысла не усмотрел. Зачем он, старый хрыч, молодой и эффектной женщине? Чем он отличается

от тучного восточного человека? Тем, что у него нет такого огромного живота? Тем, что Всеволод отдыхает один, а восточный человек с женой и многочисленными родственниками? Но всё же он присел на скамейку у прогулочной дорожки. Конечно, Мадам пошла прогуляться, и она обязательно вернётся. И вот когда она будет проходить мимо, Всеволод ей скажет... и он стал мысленно подбирать первые слова, с которыми он обратится к красавице.

Красивая женщина может выбить мужчину из седла – или сделать его более сильным, и тогда он взлетит без крыльев до небес, поднимется на Эверест, покорит Южный полюс или станет невероятно богатым и бросит к ногам женщины весь мир. Так думал Всеволод, коротая время в ожидании возвращения Мадам.

Кто-то из китайских мудрецов сказал, что если долго сидеть на берегу реки, то труп твоего врага рано или поздно проплывёт мимо тебя. А если сидеть на скамейке и ждать красавицу, то она рано или поздно появится, и у тебя будет шанс. По дорожке шли женщины и мужчины с яркими пакетами, на которые он вначале не обращал внимания, а спустя какое-то время, чтобы отвлечь себя от нетерпеливых мыслей, стал рассматривать броские надписи: «Dead Sea», «Beauty and Health», «Stop Age», «Care and Beauty».

«Распродажа косметики, – догадался Всеволод, – с ума сойти!» До чего люди падки на всякие косметические средства, которые им впаривают разные проходимцы. Вспомнил,

как пару лет назад в центре Карловых Вар от столика с баночками и флакончиками к нему кинулась молодящаяся дама и, приторно улыбаясь, пропела:

– Дайте мне вашу руку. Я надолго вас не задержу. Дайте руку, и вы всё увидите сами.

– Я вам сердце готов отдать, – пошутил Всеволод.

Женщина нанесла на тыльную сторону его ладони зелёную мазь из стеклянной баночки и спустя минуту вскричала:

– Смотрите, две большие разницы! Кожа помолодела. Мазь с минералами Мёртвого моря от фирмы «Регина» творит чудеса.

– Да, – машинально ответил Всеволод, не замечая никакой разницы. – А вы не из Одессы?

– Я из Израиля. А в Одессе родилась.

– О! Землячка. Одесса – мой любимый город. Учился я там в мореходке.

И пошёл разговор двоих влюблённых в Одессу людей. Всеволод расслабился от воспоминаний юности о дефиле красавиц на Дерибасовской и под напором энергичной торговли красотой купил несколько пузатых фарфоровых баночек с мазью для рук, для ног и для лица. Категорически отказался приобретать кремы для интимных мест, хотя дамочка настойчиво рекомендовала и даже была готова на практике продемонстрировать, как это работает. Она полировала ему ногти на руках и покрывала их каким-то бесцветным лаком, заливала в уши чудо-капли, улучшающие слух. Он ушёл от

неё отягощённый пакетами с косметикой и со значительно полегчавшим кошельком.

Отгоняя пустые воспоминания, Всеволод ждал своей минуты, но Мадам не появлялась. Солнце спряталось за вершинами деревьев, хотя и море, и песчаный пляж пока ещё купались в его закатном свете. Всеволод пошёл на газон под пальмы и, проходя мимо лежака Мадам, увидел молодого спортивного парня, который аккуратно собирал вещи.

– Простите, это вещи Мадам. Она куда-то ушла, – не выдержал и сказал по-английски Всеволод.

– Я знаю. Не волнуйтесь. Она демонстрирует красоту в «Amathus Beach». А вечером Регина будет на минусовом этаже этого отеля. Приходите, – учтиво пригласил парень на хорошем русском языке.

Не зная, что и думать, Всеволод отправился к себе в номер.

В семь часов вечера в фойе уже толпились люди. Восточный человек Ашот с женой и многочисленной роднёй, сосед Всеволода по пляжу, несколько молодых девушек, семейные пары. В центре толпы стояла Она в голубой тунике, с распущенными волосами.

– Уважаемые дамы и господа! – обратилась Мадам к собравшимся. – Фирма «Regina Health & Beauty» разработала новые кремы на основе минералов Мёртвого моря! Сейчас я продемонстрирую их возможности.

– А спрей, чтобы кожа бронзовела, у вас есть? Вы на пля-

же им пользовались, – выкрикнула жена Ашота.

У неё был какой-то ненатурально акающий говор.

– Да. У нас всё для вас есть.

Мадам брызнула из баллончика немного жидкости на свою загорелую руку. Через несколько секунд она стала белой.

«Какой смысл отбеливать тело после загара? Хотя, видимо, женщина знает, что делает», – подумал Всеволод.

– Вы только сегодня приехали? – обратилась Мадам ласково-журчащим голосом к рыжей бледнокожей девушке, – Откуда вы?

– Из Мурманска, – бойко ответила та.

– Вот поэтому вы такая беленькая. А на Кипре очень агрессивное солнце, будьте осторожны. Чтобы хорошо загореть, а не сгореть, вам не хватит и двух недель, а с кремом нашей фирмы вы обретёте естественный загар немедленно. Подойдите ко мне.

Девушка несмело приблизилась к Мадам.

– Не бойтесь. Я вас надолго не задержу. Как вас зовут? – Света, – неуверенно сказала рыжая.

– А я – Регина. Смотрите, Светочка, как в течение нескольких секунд цвет вашего тела станет таким же красивым, как у меня.

Мадам намазала руку Светы кремом из золотистой баночки, и спустя какое-то время белая кожа руки на глазах у публики стала бронзовой.

Жена Ашота ахнула от восторга и дёрнула мужа за руку.

– Ашот, я хочу этот крем.

– Угу... – отвечивал Ашот, по-прежнему не отрывая взгляда от Мадам.

Тем временем рыжая девушка растерянно произнесла: – Я не могу ходить полузагорелой.

– Не волнуйтесь, Светочка. У нас достаточно крема. Подойдите к Давиду, нашему эксперту, – и она указала на давешнего молодого человека, стоящего у стола, заставленного баночками.

Все немедленно кинулись к Давиду, кроме Всеволода и шумно дышавшего Ашота. Последний стоял как истукан, то ли поражённый красотой Мадам, то ли под впечатлением от действия её крема.

Регина поощрительно посмотрела на Всеволода:

– А вы что же, молодой человек? Позвольте предложить и вам наш чудо-крем.

Всеволод действительно почувствовал себя молодым человеком. Если такая ослепительная красавица это утверждает, то, возможно, так оно и есть.

«Вот бы сфотографироваться с Мадам и выложить фото в фейсбуке», – подумал Всеволод и включил свой айпад.

– Вы желаете сделать фото со мной? – прозвучал трепетный голос. – Передайте айпад нашему другу и подходите ко мне. Смелее. Мне будет приятно сфотографироваться с таким импозантным мужчиной.

– Царица! – воскликнул Ашот, неожиданно ставший другом по воле Мадам. – Всё сделаю! На руках носить буду!

Всеволод с трудом втолковал ошалевшему Ашоту, какую кнопку нажимать на айпаде.

Потом, сидя в гостиничном номере, он с удивлением рассматривал снимки. Вот он стоит рядом с ослепительно красивой женщиной в белом парео. Его даже в жар бросило от увиденного. Как же так? Он точно помнил, что Мадам была в голубой тунике, а не в белом парео. Как такое могло случиться? Неужели кремы влияют и на фототехнику?

Где-то ближе к полуночи раздался звонок:

– Всеволод, это Регина. Вы не могли бы спуститься в бар?

– Регина? Да, да! Иду! Сейчас буду! – поспешно ответил Всеволод, уже ничему не удивляясь и готовый прыгнуть с балкона пятого этажа, только бы быстрее попасть в этот самый бар, чёрт бы его побрал.

Утром он проснулся в своём номере среди многочисленных пакетов с баночками и флакончиками продукции косметической фирмы «Regina Health & Beauty». В ванной комнате Марееву бросилось в глаза то самое роскошное белое парео с пляжа, но... что было вчерашним вечером, он вспомнить не мог. Приходила ли Мадам в номер? А если была, то не голышом же она удирала?

На соседнем балконе мужской голос с восточным акцентом, нещадно фальшивя, напевал слова шансонной песенки:

Ах, какая женщина, какая женщина,
Мне б такую...

День апельсина

Покрытая тёмно-коричневой краской палуба корабля огромна, словно футбольное поле. На ней в одних плавках стоит Мареев и в недоумении оглядывается вокруг. Как он здесь оказался? Что за корабль? Примерно в кабельтове от него – другое судно под странным флагом, на котором изображена женщина с палицей в одной руке и то ли человеческой головой, то ли маской в другой. Вдали виднеется берег с почти незаметной прибрежной полосой и какими-то строениями. Над ними нависают горы, перед ними по водной глади бежит катер.

Что за люди бродят по палубе, о чём-то разговаривая? Некоторые, как и он, в плавках. Нет, похоже, он не пассажир здесь, потому что с мостика корабля его приветствует человек в огромной белой фуражке с высокой тульей и большим козырьком. Человек поднял вверх руку и посмотрел на Мареева, широко улыбаясь, но вместе с тем как-то безразлично, и сразу отвернулся к невесть откуда подскочившему шустрому блондину. Похоже, этот блондин – капитан корабля. Но он, Всеволод Мареев, разве не капитан? Уж не на чужом ли он корабле? И почему эти двое на мостике поют дуэтом? Словно майские бабочки, с неба вдруг опустились две девушки в коротких цветастых платьицах, они беззаботно смеются. Хмурый мужчина о чём-то размышляет, концен-

трируя взгляд где-то за границами окоёма. Средних лет парочка ходит по палубе из конца в конец, словно заведённые куклы. Кажется, им нет никакого дела до окружающих; непонятно, отчего их движения так фантастично синхронны, хотя они и не смотрят друг на друга. Парень в матроске мчится с напором свирепого быка, вот-вот подымет на рога кого-нибудь! Мареев едва успел отскочить, но, не удержавшись на ногах, упал и покатился к борту, нависшему над бездонным ничейным морем. Ещё раньше Мареев заметил, что нет лееров, можно легко свалиться в воду. В ужасе он внезапно осознал, что скользит по палубе, словно камень по льду в кёрлинге; пока медленно, но движение неуклонно, и не за что зацепиться, как во сне. Скольжение, кажется, замедляется и вот-вот остановится, но нет... ноги уже над пропастью! Будто рыба на берегу, Мареев напрягал мышцы живота, груди, рук, ног, имитируя движение назад. Последнее, что ему удалось сделать, – это зацепиться руками за округлую кромку палубы и удержаться от падения на какое-то время. «Почему меня никто не видит? Почему не спасают? – мелькнула паническая мысль, – Как они могут не видеть меня, ведь я вижу их?» Вот две девушки в цветастых платьях, явно испугавшись, с каменными лицами бросились как будто на помощь, но на полпути остановились и стали делать селфи на фоне несчастного Мареева, со смехом передавая смартфон друг дружке. Он ожидал, что глупые девчата, закончив фотосессию, подымут шум, позовут других людей спасти его,

но ничего не происходит, а руки Мареева всё слабее и слабее. Нет больше сил удерживать голову над палубой, а если он повиснет на пальцах, то никто его, посиневшего от напряжения, вообще не заметит. О, наконец-то! Хмурый мужчина повернулся в его сторону, взгляд вроде бы осмыслен, он осторожно приближается к Марееву, протягивает руку, хватая за запястье и тянет-тянет на себя. Но – куда ему, силы не те, как бы сам не свалился за борт! «Зови других на помощь! Почему молчишь? Зови-и-и!» – безмолвно кричит Мареев и летит с огромной высоты на блестяще-металлическую гладь моря. Не почувствовав боли от удара, сразу сообразил, что при памяти, не разбился и ему надо плыть к соседнему кораблю с вахтенным матросом и ещё какими-то людьми у трапа. Экономя силы, Мареев подгребал брассом и не сразу понял, что его сносит течением и вот-вот пронесёт мимо носа корабля и его якорной цепи. Течение должно быть в сторону кормы, но... чёрт возьми, его несёт в сторону носа!

Не может такого быть в природе вещей! Если громадную посудину развернуло течением и она держится на якорю, то почему его сносит, словно щепку, совсем в другую сторону? То ли с течением что-то не так, то ли с ним. Мареев понимает, что трап – единственное спасение. «Спасение утопающих – дело рук самих утопающих», – вспомнилась банальная поговорка, и он что есть мочи замолотил руками и ногами по воде. Силы на исходе, но постепенно расстояние до трапа сокращается, и вот он уже цепляется руками за ниж-

нюю площадку и с трудом взбирается на неё. Сверху за ним безразлично наблюдают вахтенный матрос и какие-то странные люди. Все они в оранжевой форме. Мареев поднимается по трапу и, тяжело дыша, говорит по-английски: «Я свалился в воду с того корабля», – он показывает рукой в сторону огромной махины с высокими чёрными бортами и добавляет, что ему нужна помощь. Матрос бессмысленно смотрит на Мареева, явно не понимая, что ему говорят. К ним подходит другой человек и говорит по-русски: «Матрос не понимает вас. Что вы хотите сказать? Я переведу. Я – Антонов, русский, шипчандлер. Привёз с берега апельсины». Мареев объясняет «апельсиновозу», что упал с соседнего корабля в воду, дальше – про течение, про документы... Шипчандлер Антонов смотрит на него с высоты положения «апельсиновоза», слегка кивает, давая понять, что слышит, но в его глазах скачут смешливые чёртики. Всё же Мареев просит связаться с его кораблём, у которого тёмно-коричневая палуба без леера, и передать, чтобы за ним прислали катер. Но Антонов, весело улыбаясь, предлагает Марееву плыть дальше по течению туда, где можно встретиться с капитаном этой посуды. «Дурак ты, боцман, и шутки твои дурацкие», – чуть не сорвалось с губ Мареева, но шипчандлер со смешком добавляет, что у него в данный момент апофеоз праздника – День Апельсина.

– Где мы находимся?

– На палубе корабля «Мельпомена»! – смеётся Антонов.

– Да нет. В каком порту?

– Лимассол. Кипр.

– И в порту праздник?

– Хе-хе. Да ты странный какой-то. И вопросы у тебя странные, – удивляется Антонов, – из моря вылез и не знаешь, где находишься! Сегодня День Апельсина в Амстердаме, а капитан этого корыта – голландец! Усёк?

Бессмыслица! Вместо того чтобы просто доставить Мареева на корабль, с которого он так трагически свалился в воду... У людей что, лучевая болезнь ума по случаю Дня Апельсина в Амстердаме? Вот тут-то Мареев и замечает неподалеку Жору Жилича, закадычного друга из одесской мореходки. Та же смущённая улыбка, те же чёрные, как смоль, курчавые волосы, давно не бритое лицо покрыто седой щетиной. Но разве этот человек – Жора? Да, это – Жора, и он тоже смотрит на Мареева, узнавая его. Чудо в решете – пятьдесят лет прошло с тех пор, как они расстались после окончания мореходки! Мареев кричит: «Жора! Это ты? Как я рад!» Но – нет, опять разочарование. Человек его не понимает, и никакой он не Жора Жилич! Вдруг Мареев замечает, что его корабль уже поднял якорь и, разворачиваясь, норовит куда-то сгинуть!

– Антонов, скажи матросу, пусть вызовет вахтенного офицера, пусть свяжутся по радию с капитаном чёрного корабля, пусть сообщат, что я здесь, без документов! Пусть останятся, вызовут катер и заберут меня отсюда!

– Глупец! Радуйся, что свалился в воду и отстал от этой уродины, – шипчандлер покровительственно похлопывает Мареева по плечу.

Все словно глухие, никто его не понимает, никто ничего не делает. Мареев видит огромную корму какой-то странной полукруглой формы, словно большой жирный зад человека или какого-то огромного чудища; корма удаляется всё дальше и дальше, оставляя за собой мощный желтоватый бурун!

Мареев кричит: «Люди! Вы что? С ума сошли? Или я на том свете? Помогите мне!» От крика он просыпается в собственной кровати.

Окно спальни на втором этаже залито ярким весенним солнцем, слышится залихватское пение скворцов, недавно вернувшихся из африканских прерий, а может быть, с Кипра, где с ним приключилась эта ужасная история. В этом сне он встретил двух знакомых людей. Антонова – друга его друга из дальневосточного порта Советская Гавань. Мареев его никогда не видел, но знал, что он существует и даже иногда бывает на Кипре. Этот самый знакомый незнакомец Антонов то ли поставляет продукты на морские суда, то ли снабжает их топливом; а если и апельсинами, то вполне по праву он представился шипчандлером. Спасибо тебе, Антонов, что уберёг от возвращения на чёрный корабль! А Жора Жилич, дружок из одесской юности? Вспомнилось Марееву, как он восемнадцатилетним юнцом поступил в мореходку, и белорус Жора поступил туда же. Сдружились с первых дней.

Время было голодное, постоянно хотелось кушать. У Жоры были кое-какие деньги. После скудного курсантского ужина он покупал ароматные, посыпанные сахаром сухари, и они, гуляя по улицам Одессы недалеко от спального корпуса – «Экипажа», наслаждались ими, немыслимо вкусными, какие и дома не едали. «Эх, – подумал Мареев, – за все годы после мореходки так и не разыскал Жору!»

Вспомнилась морская жизнь на Сахалине: штормы, льды, туманы. А Жора – в южных морях, в танкерном флоте, вот и не пересекались их пути-дорожки. А потом поэзия пришла в жизнь Мареева, заполонила душу. Композитор Катя Иволга объединила их совместные песни в жизненные сцены, которые покруче морских течений. Получился мюзикл о любви морского капитана и оперной певицы. Мюзикл есть, а толку от него никакого. Может, он не подходит для постановки на сцене? А вдруг его корабль поэзии захвачен роботами-пиратами и перекрашен в чёрный цвет? А на чужом корабле «Мельпомена» – пустота и безразличие! Может, об этом его сон?

Мареев продолжал лежать в кровати, размышляя о сложностях творческой жизни композиторов, поэтов, артистов. Метафора суровой жизни! А что публика? Не всё, что публике нравится, есть хорошо. Публику тоже нужно воспитывать песнями и спектаклями! «Что я банальные вещи сам себе впариваю? – разозлился Мареев. – Неча на зеркало пенять, коли у самого рожа крива!» Если бы мюзикл был ну-

жен, то нашлись бы и продюсер, и постановщик. А так, к кому ни обращались, все хвалят, а ставить никто не берётся!

Раздался звонок, Мареев протянул руку к телефону.

– Всеволод Иванович, доброе утро! Как вы?

– Здравствуйте, Катя! Я на даче. Замечательно всё. Солнце – разливаемый свет! Весна! Птички поют. Вот только сон дурацкий приснился. Чуть не утонул в море.

– А чем закончился сон?

– Выплыл к чужому кораблю. Пока думал, как вернуться мне на свой, он – возьми снимись с якоря и был таков. Только за кормой жёлтый бурун остался. А я на рейде Лимассола, что на Кипре, остался без штанов, без документов и без денег. И что мне думать теперь?

– И рукописи горят, и поэты, случается, тонут! – засмеялась Катя. – А если серьёзно, Всеволод Иванович, то московский театр берётся наш мюзикл ставить! Может, сон в руку?

– Ой, не знаю, Катя! Не знаю, радоваться или печалиться. Ведь в том сне я один оказался, почти голым и без денег... чёрный корабль... и главное: никто меня не слышит и не видит. И почему на Кипре? Нет, мюзикл здесь ни при чём. Ведь я на остров собираюсь. Какие там приключения меня ждут? С возрастом я стал немного мнительным!

– Не волнуйтесь, Всеволод Иванович, поезжайте на Кипр спокойно! А я буду здесь заниматься мюзиклом. И денежку буду вам высылать.

– Какие там деньги, Катя! Главное, чтоб нас, как курсан-

тов мореходки, не держали на голодном пайке!

Сказать-то сказал, но потом поймал себя на мысли о том, что нужно бы поехать в авторское агентство и зарегистрировать свои права на стихи в мюзикле. Не раз он ещё пожалеет потом, что его мысли повернулись в сторону мюзикла и что он стал думать и мечтать о нём больше, чем следовало. Оказалось, что авторские права на либретто Катя уже приписала себе. Сколько людей таким способом кормится, и все – поставщики-шипчандлеры шоу-бизнеса! Под статью настроению написал стихотворение, где была такая строчка: «Жизнь – о'кей, ядрёна мать!»

И вообще жизнь – это корабль в море, то в штормовом, то в спокойном. А порой она бывает как палуба, покрытая тёмно-коричневой краской. И пошла у Мареева длинная тёмная полоса. Тёща заболела. С женой из-за пустяка разругался, да так крепко, что до развода чуть не дошло. Мошенники развели его, словно лоха: под видом социологического опроса выудили у него номер телефона и адрес, копию паспорта где-то раздобыли и оформили на него кредит на сотню тысяч рублей под огромные проценты. Пока разбирался, сотня тысяч превратилась в несколько миллионов, судиться пришлось. Еле-еле отбился от мошенников-финансистов и их подручных-коллекторов. Разве не оказался он висящим за бортом, из последних сил цепляясь пальцами за ускользающую палубу?

Жизнь – ещё и заразная вещь, недаром американцы ни-

когда не рассказывают посторонним о своих делах и делишках. Спросишь: как поживаешь? А какой-нибудь зачуханный американец, сверкнув белозубой искусственной улыбкой, ответит, что у него всё о'кей. В чём здесь смысл? А в том, чтобы головная боль рассказчика не перекочевала на слушателя. А у нас? Спросишь шапочного знакомого, как дела. А он в подробностях загружает тебя, как шипчандлер апельсинами, даже о тёщином геморрое не забудет. Выговорится и уйдёт, а ты потом думай-гадай, откуда новая напасть свалилась на тебя. Через какое-то время до Мареева дошло, что всякий сон заразен, он овладевает жизнью. Категорически предупредил он занудного поэта Петра Заречкина, чтобы тот не делился с ним своими фантазиями о некой риэлторше Клаве, которая по ночам внедряется в Петино сознание и занимается с ним виртуальным сексом.

– Слушай, Петро Григорьевич! Не морочь мне голову этой твоей хренотенью с Клавой! А вдруг ты не разыгрываешь меня, а эта озабоченная сумасшедшая Клавка на самом деле существует? Оно мне надо, чтобы она с тебя на меня переключилась, тем более что я её ни разу в жизни не видел? Мне недавно сон приснился – чуть не утонул. Оказался на Кипре без денег и без штанов, да и без документов. Хочешь, расскажу в деталях?

– В другой раз. У меня с поэтом Исаевым встреча назначена, а заодно, может, и зубы полечу. Ведь он зубником работает. А кораблей боится. Пойду я, – заторопился Зареч-

кин, явно раскусив подоплёку сновидения Мареева.

Но Мареев знал, что у старого дедули зубы давно казённые, за пять тысяч рубликов.

Ох, непростой этот Заречкин. Ещё тот жук! Сразу учуял неладное. А у Мареева было всё-таки желание поделиться с ним своим, сокровенным. Может быть, что-то отлипло бы от него и перешло бы к Заречкину? Одна-другая лишняя нелюбовь уже не имеет значения для старого поэта, потому что их у него как апельсинов в бочке, хоть становись шипчандлером и вези на корабль.

Мареев шёл по прогулочной дорожке вдоль моря, в сторону порта Лимассол, и думал о перипетиях своей жизни. Убежал из Москвы на Кипр, так и здесь тревожные мысли не покидают его. Конец апреля. Спокойное море. Зелёные горы. Доброжелательные улыбающиеся киприоты. Выбрался на широкую набережную. Красота! Полно гуляющих людей. Палатки с напитками. Горы апельсинов, которые поставил уж точно не шипчандлер Антонов. На открытых жаровнях початки молодой кукурузы. Откуда в апреле молодая кукуруза? Какая разница! Киприоты живут в мире разливанной красоты.

Он спустился к кромке воды и стал бросать куски лепёшки вездесущим чайкам. Красивые птицы, когда кружат над морем, а сейчас, в борьбе за пищу – ничего красивого. Противно визжат, пикируя на брошенный в воду хлеб, стараясь победить в извечной борьбе за выживание в этом мире, пол-

ном контрастов. Нет пищи – нет жизни! Вот так и некоторые артисты – вольные птицы, когда поют романсы о любви и их сердца наполняются радостью или печалью. Но как только дело касается дележа гонораров, тут уж, извините, каждый за себя, как эти чайки: суды-пересуды, скандалы, а то и похлеще истории бывают с драматичными финалами.

Подошёл старик в длинном, почти до земли пальто и застыл в печальной позе, не отрывая взгляда от какой-то точки за горизонтом. «Моряк, наверное», – подумал Мареев и вспомнил строчки своего же стихотворения:

Стоят на рейде корабли,
Как будто птицы прилетели.
За горизонт на край земли
Усталой стайкой птицы сели.

– Извините, – не выдержал Мареев, – не знаете, что за белый корабль стоит на рейде? Красавец!
– «Эвтерпа»! Пассажирский лайнер!
– Какое красивое название! Женское имя?
– Муза лирической поэзии и музыки, дочь Зевса. Завтра вечером он отправляется в Грецию.

Поговорив ещё немного и узнав от старого моряка в отставке всё, что его интересовало, Мареев кинулся добывать билет на «Эвтерпу». Следующим вечером, счастливый и какой-то умиротворённый, он отправился на две недели в Грецию.

Я встретил Мареева в Лимассоле после его возвращения из Салоник. Он с восторгом рассказывал мне о своих впечатлениях от посещения древних монастырей Греции, а встреча с монахами Афона стала для него откровением. Поразило христианское смирение афонских старцев, постоянно пребывающих в молитвах. Казалось, что на них снизошло что-то неведомое обычным мирянам, и Марееву словно приоткрылась эта тайна, и он как будто светился изнутри.

– Знаешь, Александр, тот сон перевернул всю мою жизнь. Это, наверно, было предупреждение, что я жил не так и занимался не тем, встречался не с теми людьми.

– Чем же твоя жизнь была плохой раньше, Всеволод Иванович? Ведь у тебя столько хороших стихов написано. Да и мюзикл собираетесь с Катей Иволгой ставить.

– Что ты, что ты! С поэзией я буду дружить, а вот чёрный корабль попсы намерен оставить навсегда. Не моё это! Слава Богу, что во сне я свалился с него в воду. Но не сразу удалось отцепиться. Потом был ещё один странный корабль, «Мельпомена», там никто не слышал меня и не понимал. Мир глухих и безразличных, что ли?

– А дальше как? С мюзиклом как будет? – не утерпел я, чтобы не любопытствовать.

Ответ Мареева меня озадачил:

– Опять тот же самый сон приснился мне здесь, на Кипре. Прилепился и никак не отлепится. Я к Жоре Жиличу поеду! В Новороссийск.

Чудеса, да и только! В тот день, когда в Амстердаме празднуют День Апельсина, или, как его ещё там называют, День Королевы, Марееву снится сон, в котором он падает с чёрного корабля в море на рейде Лимассола! Потом на Кипре он бросается вдогонку за лайнером «Эвтерпа», видимо, за музой поэзии. Как эти два события между собой связаны? Как?

На Рождество Всеволод Иванович позвонил мне и сообщил, что они с Жорой Жиличем отправляются паломниками по православным святыням Греции и Кипра.

И это было то, о чём я сам уже давно мечтал.

У синего моря

Соня остановилась в отеле «Жасмин» в Лимассоле. Выбирала через Интернет и не прогадала. Вторая линия, но до моря пять минут ходу: перейти дорогу, затем парк, и вот оно – море! Городской пляж, но какая ей разница! При её финансах – самое то! Перед тем как оформляться, попросила менеджера показать её номер. Посмотрела и обомлела: гостиная с телевизором, спальня с широченной кроватью, отдельная кухонька, просторная ванная, два огромных балкона.

– Так это же апартаменты! – не смогла скрыть эмоций Соня.

– Да, мадам! Апартаменты, – вежливо подтвердил молодой киприот.

– Я одна. Скидка будет?

– Да, мадам. Десять процентов скинем.

– А завтрак? Завтрак тоже входит в цену? – деловито допытывалась Соня.

– Завтрак стоит пять евро. Дополнительно.

Получилось, что номер с завтраком будет стоить ей пятьдесят евро.

Соня ликовала. Впереди две недели безмятежного отдыха. Бросилась на кровать, раскинула руки в стороны и запела:

Что было раньше – не вернётся,

Что будет дальше – не поётся...

Пустите Сонечку в Париж!

Париж будет потом, а сейчас Лимассол ей очень подходит. Пока ехала из Ларнаки, удивлялась обилию и яркости цветов, растущих вдоль дороги.

– Цветы, цветы, цветы... Белые, жёлтые, розовые. Как называются? – спросила таксиста.

– Олеандр, – по-русски ответил водитель.

Красота! Многие киприоты хоть чуть-чуть говорят по-русски. Даже менеджер в гостинице приветствовал её на русском: «Добро пожаловать!» Английский она знает неплохо, окончила в Подмосковье специализированную школу.

Июль месяц – не жарко, но тепло и комфортно. На пляж, на пляж, на пляж! Пять часов пополудни, в самый раз – на пляж. Вскочила с кровати и стала переодеваться. Купальник новый, ярко-синий. Очень подходит к её рыжим, почти красным волосам. Белая кожа, совсем-совсем. А когда ей было загорать в Москве? С утра до вечера на работе. По выходным – работа на дом. Да и погоды не было. Дожди. Ветер. Случилось несколько солнечных и даже жарких дней, но, как назло, попадали они на будни. А теперь она здесь! На Кипре! Беленькая, рыжая, в модном купальнике и... с клёвой фигурой. Ноги стройные, попка аккуратненькая, и бюст – на-те вам! Не большой и не маленький! Крутанулась несколько раз перед зеркалом, посмотрела на себя со спины. Всё хоро-

шо! Набросила лёгкий халатик, покрутила на пальчике резиновые шлёпанцы и швырнула их в зев большой хлопчатобумажной сумки. На пляже пригодятся. А по улице она будет идти в босоножках на каблучках. Цок, цок, цок по асфальту. Услышат, заметят! Заметят все, кто интересуется красивыми женщинами. А кто интересуется? Красивые мужчины. А киприоты видные и любвеобильные! Взлохматила причёску, показала язычок весёлой бестии в зеркальце и, помахивая сумкой, побежала к лифту.

В кабинке оказался немолодой мужчина плотного телосложения в белом костюме.

– Девушка, на пляж? – спросил по-русски.

– На пляж, на пляж! И вам советую.

– Так я готов! С вами!

– Э, не-е-е... У вас свой пляж, а у меня свой! Ариведерчи! – выпорхнула из лифта, помахав земляку рукой.

У перехода остановилась, ожидая зелёного света. Водители проезжающих машин бесконечно сигналили, а один даже остановился и призывно распахнул дверь. Так бы долго стояла и ждала, но на другой стороне улицы появился молодой человек, нажал кнопку, и зелёный свет загорелся. Парень подбежал к ней, подал руку и перевёл через дорогу. При этом он улыбался, что-то учтиво говорил по-гречески. Сразу же попрощался и убежал, лавируя среди начавших движение машин. Соне стало немного обидно – мог бы и поприставать чуть-чуть этот грек.

Пляж, песок, лежаки с зонтами. Пять евро, и наслаждайся солнцем и морем. Публика обычная. Молодые и старые, девушки и мужчины, семейные пары. В будний день людей не так много. С разбегу бросилась в море; вода бодрящая, но скоро стало очень приятно, и она поплыла размашистым кролем до волнолома. Плавала она хорошо – ещё в детстве ходила в секцию при бассейне «Москва».

Взобралась на тёплые камни. С удовольствием подставила лицо и тело солнечному ветру. На рейде корабли, большие и крохотные – много, может, с десятков. Песчаный пляж тянется вдоль береговой черты, и везде отдыхающие – праздная публика. Вдали горы. «Изрезано небо вершинами гор...» – вспомнилась строчка о Коктебеле. Когда-то, на последнем курсе Литературного института, она побывала с друзьями в Крыму. Вечерами – костёр и песни. Днём – на море. Помнится, что у них был какой-то уговор с местным начальством: им разрешили раскинуть палаточный лагерь у подножья горы, в заповедных местах, а за это нужно было охранять лес от диких туристов, разжигающих костры. Весело было. Но здесь горы другие, не такие высокие, как в Крыму. На фоне неба чётко видна ломкая линия горных вершин. Повернулась и посмотрела на пляж. Представила, как она оттуда смотрится, стройная, высокая, с ярко-рыжей копной волос. То-то мужики пялятся сейчас на неё. И вдруг заметила в воде группу мужчин, словно стадо тюленей, плывущих в её сторону. Она никогда не видела тюленей в воде, но представила, что вот

так они и плывут, отфыркиваясь и высоко поднимая усатые морды, высматривают, что там впереди. Сравнение мужиков с тюленями ей понравилось. Она засмеялась и бросилась в воду, крикнув взбирающемуся на волнолом загорелому доходяге: «Догоняйте!» Да куда там! Остался «тюлень» отдуваться на камнях, а вскоре к нему присоединилось ещё с десятков таких же любителей познакомиться со стройной красоткой в бикини.

На обратном пути Соня боковым зрением ловила восхищённые взгляды мужчин и старалась не обращать внимания на сигналившие ей машины. Хорошо быть молодой, независимой и красивой! Что она красивая, не сомневалась нисколько. Широкоскулое лицо, небольшой прямой, словно точёный носик, распахнутые настежь зелёные глаза. Улыбку немного портит щербинка, но со временем поняла, что это её особенность, фишка такая. Ей предлагали устранить этот дефект, поставить фарфоровые коронки. Подумала-подумала и отказалась. Белозубых красавиц с голливудской улыбкой немало, а она со своей фирменной одна такая!

В палатке купила у старика-торговца бананы и абрикосы. Вечером заварила чай, достала маленькую баночку мёда, сливки и устроила себе ужин с тремя печеньками! Всё – своё, из Москвы привезённое. И сытно, и экономно.

Не стала включать телевизор, а с удовольствием погрузилась в поэзию Анны Ахматовой. Она всегда возит с собой томик любимого поэта – «В то время я гостила на земле...». Загадала страницу двести четыре. Она любила такую игру: открыть загаданную страницу и примерить стихи к себе, к своей судьбе. В этот раз выпала поэма «У самого моря», читанная-перечитанная ею, но от того не менее любимая.

Бухты изрезали низкий берег,
Все паруса убежали в море,

А я сушила солёную косу
За версту от земли на плоском камне.
Ко мне приплывала зелёная рыба,
Ко мне прилетала белая чайка,
А я была дерзкой, злой и весёлой
И вовсе не знала, что это – счастье.

Сколько раз читает эту поэму, всегда испытывает волнение, замешанное на восторге. Представляет себя лежащей на тёплых камнях. Разговаривает с зелёной рыбой и с белой чайкой. А где-то там, на паруснике, смуглый и ласковый царевич! Сказка! Глупости! Время ласковых царевичей прошло или даже не начиналось. И во времена Ахматовой их не было, а может, их и никогда не было. Но хочется, ой как хочется верить в эту сказку! В ней царевич умер, поэтому не так важно, был он или не был. Важно, что мечта о нём была! Вот и она, Соня Баранова, выпускающий редактор известного книжного издательства, мечтает о своём царевиче. Где он? В издательство приходят поэты уже пожившие, далеко не царевичи.

А молодые? Есть, конечно, молодые, но у них нет денег даже на издание своих книг.

Зазвонил телефон, да так громко, что вздрогнула от испуга. В трубке приятный баритон приветствует на английском:

– Добрый вечер!

– Вы кто? – спросила Соня по-русски.

– Я? Поэт, – ответил баритон, но уже по-русски, с кавказ-

ским акцентом.

– До свидания, поэт!

Надо же! Звонит прямо в номер, чтобы познакомиться. С кем?

С девушкой? Или путаной? Нет бы под дверь поставить розы или веточку этого самого олеандра. Примитив. Звонок – и девушка бежит к нему на свидание или даже сразу в номер. Как бы не так! Отключила телефон и стала рисовать в блокноте рыжую девушку, лежащую на камнях у самого синего моря. Рисунки ей всегда легко давались. Вот и сейчас эта рыжая лежит на камне и мечтательно смотрит в морскую даль, словно русалка.

Не заметила, как уснула, и хорошо – проснулась до восхода солнца. Наскоро умылась – и на пляж! На перекрёстке неспешно прошла на красный цвет. Город ещё спит. На другой стороне улицы остановилась машина, и таксист лет под пятьдесят радушно открыл дверь:

– Поехали? – Без меня.

Откуда они знают русский? И как безошибочно определяют, что она русская. Хорошо хоть, получив отпор, не пристают и уезжают.

Поёживаясь, вошла в прохладную воду, но, преодолев себя, резко окунулась и скоро поплыла к волнолому. Вскарабкалась на прохладные камни и стала ждать восхода солнца. Невдалеке сидел рыбак в плаще и широкополой соломенной шляпе. Пригляделась – старик. Как он оказался здесь оде-

тым? Ведь лодки рядом нет. А может, кто-то привёз его? Подошла к старику, машинально здороваясь:

– Доброе утро! Как вы приплыли сюда?

Старик удивлённо посмотрел на неё и заулыбался. Сообщила, что по-русски старик не понимает, и повторила приветствие по-английски.

– Калимера! – ответил рыбак.

Она уже знала из справочника, что по-гречески это значит пожелание доброго утра. Тут же старик сказал тоже по-английски:

– Меня зовут Спириос. Как вас зовут, леди?

– Соня, София! Я – русская. Как вы приплыли сюда?

Спириос приветливо пояснил, что он раздевается на пляже, складывает одежду в большое пластмассовое ведро и плывёт, толкая ведро перед собой.

– А рыба? Рыбу поймали?

В ведёрке поменьше оказалась рыба, что-то вроде черноморской барабульки.

Пока разговаривала с рыбаком, над горизонтом показалось солнце. Синяя парусная яхта отделилась от берега и побежала в открытое море.

– Как красиво! Восход, и белый парус мчится навстречу солнцу! – воскликнула Соня.

– Внук мой. Адонис. Это – его яхта. В Грецию отправился. На острова.

– Один?

– Он любит выходить в море один. Ныряет. Ищет морские клады.

– Так это же опасно! Я читала.

– Да, опасно в море выходить одному. Но он любит так. Берёт отпуск и путешествует на своей невеликой яхте. Сам сделал. Ну, я немного помогал.

– А как называется яхта Адониса? – «Анна». В честь бабушки назвал.

«Как интересно! – подумала Соня. – Вот бы когда-нибудь выйти в море на яхте».

Попрощалась со стариком, пожелала его внуку счастливой плавания и отправилась к берегу.

– София, жду вас завтра встречать восход солнца!

– Спасибо! – радостно откликнулась она. – Хорошей рыбалки вам!

И покатилося время. С утра – на пляж, днём – экскурсии по восхитительным кипрским местам: монастыри, древний город Курион, знаменитая кружевами деревня Лефкара, горы Троодос. Освоилась в Лимассоле и по вечерам позволяла себе пройтись по улице и полакомиться вкусным мороженым. Ухаживания кипрских мужчин отвергала легко и с юмором! Эту рыжую девчонку многие таксисты давно заметили и даже покровительствовали ей: предлагали бесплатно прокатить или подвезти. А со стариком Спириосом она очень и очень подружилась, тот частенько с утреннего улова угощал рыбкой, которую она потом готовила на своей ку-

хоньке. По вечерам рисовала в блокноте кипрские пейзажи, но всё чаще – синюю яхту с белыми парусами. И наслаждалась... наслаждалась поэзией Анны Ахматовой:

Солнце лежало на дне колодца,
Грелись на скалах сколопендры,
И убегало перекасти-поле,
Словно паяц горбатый, кривляясь,
А высоко взлетевшее небо,
Как Богородицы плащ, синело...

Оставалось три дня отдыха. Утром, как обычно, приплыла на волнолом, но там было пусто. Впервые старика с удочкой не было на камнях! Почему Спириос не предупредил, что его сегодня не будет? В сердце закралась тревога, и Соня, не став встречать восход, поплыла назад. На берегу подошла к рыбакам на пирсе и взволнованно стала расспрашивать:

– Я ищу Спириоса. Кто знает, где он? Почему его нет на волноломе?

– У Спириоса несчастье. Внук пропал. Яхта покинула Грецию, и с ней нет связи.

Что же это такое? Почему так? Ведь в поэме «У самого моря» утонул царевич. Но Адонис не её царевич! Она с ним даже не встречалась. Но почему, почему ей хочется плакать?

– А где можно найти Спириоса?

– Он сегодня утром собирался на другой яхте выйти в море с друзьями Адониса, искать внука.

«Господи, помоги мне! Помоги мне успеть к отходу яхты», — молилась она, пока бежала в гостиницу, и затем в такси по пути к порту. Потом сообразила, что она даже не знает, где там искать Спириоса и друзей его внука.

У причалов множество яхт, как среди них найти ту, которая нужна, если даже не знаешь её названия? Соня стояла в надежде, что Спириос и его друзья увидят её. Трудно не заметить одинокую девушку с огненно-рыжими волосами, в цветном ситцевом платье и с оранжевой сумкой в руках. Вдруг на входе в порт появилась ярко-синяя яхта под белым парусом. Когда она приблизилась, Соня увидела на борту белую надпись «Анна». За штурвалом стоял парень в светлой футболке и шортах. Тот, что помог ей перейти дорогу в первый день на Кипре. И он, Адонис, махал ей рукой и улыбался, как в первую встречу, когда взял её под руку и повёл через поток резко затормозивших машин.

* * *

Эту историю я услышал от моего кипрского друга Михалиса, который познакомил меня с рыбаком Спириосом. К сожалению, мне не удалось встретиться с Соней, Адонисом и их маленькой дочкой Анной. Они живут в Подмосковье, а на Кипр приезжают только на летние каникулы. Впрочем, Соню я хорошо знаю, ведь она выпускающий редактор моих последних книжек. А ещё нас объединяет то, что мы оба любим

поэзию Анны Ахматовой и верим, что у синего моря случаются чудеса.

Сюрприз от Дженис

1

Когда провожали Джерри в Лондон, Николас в аэропорту даже прослезился, чем очень удивил Аманду. А Никос вспомнил, как когда-то в двенадцать лет он тоже улетал в Лондон. За день до отлёта отец позвал его в комнату, поставил перед собой и сказал:

– Николас, завтра ты летишь в Лондон. Продолжишь учёбу там. Окончишь школу, поступишь в университет, юристом будешь.

Он тогда испугался. Впервые отец называл его по-взрослому Николасом вместо привычного домашнего Нико.

– Нет, папа! Я хочу быть аптекарем, как ты!

Не пропал он, Николас, в Лондоне. Окончил школу, поступил в университет и стал фармацевтом. Вернулся на Кипр с женой Амандой.

Преодолев минутную слабость, Никос сказал на прощание Джерри:

– Лондон – большой город. Большие возможности. Учись хорошо, и уважаемым человеком станешь. А где потом жить и работать будешь, неважно. Возможно, в Лондоне оста-

нешься. А может, на Кипр вернёшься. Найдёшь своё место, если будешь хорошо учиться.

– Я понял, папа! – нетерпеливо отвечал Джерри.

– Иди! И помни: главное всегда оставаться человеком.

Такие обычные слова и такие правильные. От частого повторения эти слова никогда не перестанут быть важными и оригинальными, если их сказать в нужном месте и в нужное время.

2

Аманда совсем не переживала, а даже гордилась тем, что старший сын будет учиться на её родине. Теперь это и его родина. Да и родственников полно в Англии. Сёстры Луиза и Джудит. Кроме того, там у неё свой доход уже есть. Дядя по линии матери наследство оставил. Детей у него не было, вот и перепало всем родственникам понемногу. При жизни был прижимистым, а умирая, расщедрился! Купили с Луизой домик на двоих в пригороде Лондона, сдают в аренду, и что-то каждый год на лондонский счёт капает. Зато Аманда может иногда небрежно заявить мужу:

– У меня есть мои собственные деньги.

– У нас семья и общее хозяйство, – отвечает Никос, смеясь.

Никос понимает, что Аманда горда тем, что имеет личный капитал и может его потратить на семью, на учёбу сына

Джерри.

Как важно в этом мире иметь определённую степень независимости: от семьи, от мужа, от детей, от родственников, от остального мира, в конце концов! Как важно иметь возможность самой помогать близким!

3

Джерри стоял рядом с родителями и с нетерпением ждал объявления на посадку. Главные трудности позади. Он зачислен на финансовый факультет одного из лучших университетов. Вперёд! На Лондон! Школа, родительский надзор, провинциальный Лимассол – всё, всё позади. Почти позади. И хочется наконец-то взлететь, посмотреть сверху на землю и сказать себе: «Я – свободен!» Но что-то говорит отец, у него вон даже глаза повлажнели! Может, сентиментальным стал? Нет, не может быть! Отец – человек дела, а не чувствительный романтик. Мать смотрит ободряюще, радуясь, что он едет в город её юности, в Лондон! Родители ждут, что он, Джерри, им скажет на прощанье. А что говорить? Всё давно переговорено. Он знает, куда и к чему стремится. Часть друзей осталась на Кипре, некоторые уехали в Лондон на учёбу, и Дороти тоже прилетит. Любимая девушка будет рядом. Престижный факультет. Заманчивое, пленительное и неизвестное будущее! Где будет проживать? Может, в кампусе? Может, снимет квартиру с кем-нибудь на двоих? Всё устро-

ится, время есть, до начала учебного года ровно одна неделя.

– Отец, я пойду?

– Иди, Джерри, – ответила за себя и за отца Аманда, – как приземлитесь, сразу позвони. Я прилечу через три дня. Снимем квартиру для тебя.

– Комнату! Отдельные апартаменты в Лондоне мы не потянем, – расставил всё по местам Никос.

– Берегите себя, – вырвалось у Джерри на ходу.

Потом он будет сидеть у иллюминатора и мечтать о новой жизни, о предстоящей встрече с Дороти в Лондоне. О том, как сегодня вечером пойдёт в паб и выпьет пинту настоящего лондонского пива! И, возможно, познакомится с новыми друзьями. Или с девушкой-англичанкой. Подружка прилетит только через неделю. Впереди новый мир, новые возможности и... Дороти. Да что там! Впереди новая жизнь!

4

Она – обычная китайская девушка. И зовут её Джиэйн. Эти чопорные англичане переводят имя Джиэйн как что-то вроде «домашнее хозяйство». Как можно человека, тем более девушку, называть таким словом? В Китае её имя говорит о том, что женщина любит домашний очаг, будет создавать уют. Но разве это объяснишь англичанам! Поэтому она сама себя называет Jenice! Дженис! – звучное имя. Она с детства учится в Англии и вот теперь поступила в университет

на финансовый факультет. Жить и учиться в Лондоне! Так захотел отец – преуспевающий и богатый бизнесмен в Шанхае. Мог бы снять для неё отдельную квартирку в Лондоне, но решил, что она будет делить жильё с другими студентами. И вот их в квартире четверо: Дженис и трое ребят. У каждого из них своя комната. А у Джерри даже отдельная ванная, в то время как все остальные пользуются общей. Ей нравится Джерри. У него южноевропейский мясистый нос, но всё равно он ей нравится. Она уже поговорила с отцом, и он пригласит Джерри приехать в Шанхай на каникулы. Она ещё не сказала об этом парню, но обязательно скажет. В отличие от остальных ребят, он очень внимателен к ней. Правда, категорически отказывается вместе с ней кушать. Как-то пригласила его в свою комнату и пыталась угостить китайским рисом с креветками. Только поставила кастрюлю на стол, Джерри тут же убежал! Возможно, потому, что увидел живущего в её комнате маленького крысёнка, который вдруг забрался на стол. Она прозвала крысёнка Джонни. Джонни любит подбирать крошки, которые остаются после ужина. Бывает, что она сама сбивает пальцем остатки риса со стола на пол для Джонни. Когда скучно, она зовёт: «Джонни, Джонни, выходи, мерзавчик такой! Видишь, сколько крошек! Кто за тебя должен подбирать их?» Если бы этот англичанин с Кипра полюбил Джонни, то она могла бы даже выйти за него замуж! За Джерри, конечно! И отец купил бы им квартиру в Лондоне! Нет, надо, чтобы он сначала увидел Джерри. Ина-

че не согласится отдать её ему в жёны. Ей тоже хочется познакомиться с родственниками будущего мужа. Хотя у них в Китае бывает так, что родители договариваются о женитьбе, когда дети ещё маленькие, и только перед свадьбой жених и невеста узнают друг друга. Но ведь она сейчас живёт не в Китае и должна сама это всё уладить. Дженис уже встречала в Лондоне Аманду, мать Джерри; ничего – улыбчивая женщина, очень дружелюбная. А вот отец, по словам Джерри, серьёзный киприот! Надо обязательно поехать на Кипр и познакомиться с будущим свёкром. Она пригласит жениха в Китай и скажет, что хотела бы побывать на Кипре. Вот только что делать с Джонни? Джерри, похоже, боится крыс. А что, если купить маленькую клетку и взять крысёнка с собой? Вот было бы здорово втроём!

– Джерри, почему ты не любишь Джонни? Он такой милый!

– У нас не принято, чтобы крысы жили в доме. А у вас в Китае любят крыс?

– Почему любят? У нас едят крыс. Если Джонни откормить, то потом можно сварить замечательный суп с лапшой.

Дурачок! Убежал в туалет. Надо же! Крыс боится и даже от Джонни убегает.

5

Конец сентября. Ещё довольно жарко, но уже терпимо.

Можно погулять возле моря. Младший сын Кристиан вместе с друзьями катается на доске недалеко от берега. Вон какие кульбиты выделывает! Переворачивается вместе с парусом, делая несколько оборотов в воздухе, да ещё на волне! Аманда выбрала момент, когда муж в хорошем настроении.

– Никос, у Джерри скоро последние каникулы. Он хочет приехать в гости с Дженис. Ты не против?

– У мальчика новая подруга?

– Все эти годы они вместе с Дженис снимают квартиру. А подруга у него – Дороти.

– Я знаю родителей Дороти. Более того, Андреас – мой друг, и тебе это известно. Дороти приедет на Кипр к родителям. А Дженис? Кто она?

– Они просто дружат. Девочка хочет увидеть Кипр. Почему не пригласить к нам? Она тоже пригласила Джерри в Китай.

– Я не против. Но потом сам поговорю с сыном.

Джерри и Дороти расстаются. Никос этого ещё не знает. Девушка возвращается на Кипр, а Джерри остаётся после окончания университета в Лондоне. А Дженис? Просто друг? А может, и не друг, а подруга? А если Джерри захочет на ней жениться? У Аманды будут внуки-китайчата? А почему бы нет! Нет, лучше бы Джерри женился на Дороти. Она очень хорошая девушка. Мягкая, тактичная, настоящая киприотка! Но что-то не получается у них. Дороти уже в Лимассоле. Как сказать об этом?!

– Никос, тебе нравится Китай? Ты хотел бы туда поехать?

– Да, доктор! – так он всегда отвечает ей на бессмысленные вопросы.

Разве они собираются ехать в Китай? Зачем? Это очень дорого. А потом, Китай очень далеко.

В этой жизни всё имеет свой смысл. И в вопросе Аманды о Китае есть свой смысл, но пока Никос не догадывается об этом.

6

Джерри с облегчением вздохнул полной грудью, выйдя из университета на улицу. Сдан последний экзамен. Позади четыре года учёбы. После практики в известной аудиторской компании – ура! – его берут туда же на работу. И зарплата неплохая для начала. Но самое главное: он – аудитор! Не сказать что любимая профессия, но перспективная! Перво-наперво нужно переехать поближе к новой работе. Зарботка пока не хватит, чтобы оплачивать аренду и прокормить себя, но постепенно доходы вырастут. А квартира нужна сейчас! Не может он больше жить рядом со студентами и с китайкой! Из-за неё он расстался с Дороти. А ведь девушка очень нравилась ему. Но в последнем разговоре она просто сказала, что не хочет больше жить в Англии и возвращается на Кипр. О Дженис ни слова! Хотя Джерри думает, что причина как раз в китайке! Как можно было такое подумать? Он –

и Дженис! Это немыслимо. Почему немыслимо? Да просто потому, что она не нравится ему. Неаккуратная. На столе, на полу остатки пищи, и крыса бегает. Вначале это был маленький Джонни, подбирающий крошки. Но Джонни вырос и превратился в Джона – здоровую чёрную крысу с чешуйчатым длинным хвостом. Такая образина и укусить может. А Дженис её любит. Джон как только увидит Джерри, так начинает шмыгать и шмыгать по комнате: с пола на стол, со стола на кровать. Исчезнет на какое-то время под одеялом, а потом невесть откуда появится у самых ног. Бррр! Этот Джон, наверное, и спит ночью в кровати с Дженис! Как-то она вышла на кухню заварить чай, так чёрная тварь ухватила его за штанину и стала тащить к выходу из комнаты. Гадина! Но если быть толерантным, к чему мать призывает, то крысу нельзя обижать. Вот он и говорил дипломатично Дженис:

– Ты ограничиваешь свободу Джона. Ему пора уже свою семью заводить. Отпусти его на волю.

А Дженис как ни в чём не бывало, делая невинные глазки, отвечала:

– Он сам не хочет от меня уходить. Я его даже к мусорным бакам относил, а он каким-то образом ночью возвращается. Дверь заперта, только форточка на пятом этаже открыта. Но ведь не может крыса по стене забраться на пятый этаж и влезть в форточку! Как ты думаешь, Джерри?

– Не может!

– Но когда есть любовь, то всё получится! Джон меня лю-

бит. А ты, Джерри, мог бы ночью забраться в окно?

Невообразимо! Китайка Дженис стала похожа на стопроцентную европейку. Готова, чтобы он, Джерри, залез ночью через окно к ней в комнату.

– Я не знаю, что бы я сделал ради любви! Но между нами нет любви, Дженис.

– Почему нет?! Я готова для твоей любви, Джерри.

Как оставаться толерантным в такой ситуации?! Следуя воспитанию, нужно быть по-английски дипломатичным.

– Да, но между нами стоит Джон, – пошутил Джерри, – он меня не терпит.

Лицо Дженис покраснело, похорошело, и она на какое-то мгновение показалась Джерри даже привлекательной.

Когда женщина краснеет перед мужчиной, то либо она врёт ему, либо страстно его желает.

7

Николас возвращался домой из Никосии очень поздно. Были переговоры с делегацией врачей из Эмиратов, затем ужин в таверне у друга Ламбродоса. Так совпало, что сегодня прилетел Джерри, а Никосу пришлось задержаться на работе. Несмотря на желание быстрее попасть домой, ехал как обычно: не очень быстро. Впереди на дороге в свете фар он ясно увидел метровую чёрную змею и резко затормозил. Машина пошла юзом и едва не слетела в кювет. Вышел. Посто-

ял немного, чтобы успокоиться. Вот как бывает. В простой ситуации, на дороге, по которой он ездит уже более тридцати лет, чуть не попал в аварию! Зачем он начал тормозить? А была ли вообще змея? Посветил фонариком в кусты у дороги и увидел пару чёрных змей: хвосты переплетены, головы в высокой стойке. Что это? Спаривание? Или агрессия? Никос знал, что чёрные змеи на Кипре не ядовиты, но никогда нельзя быть в этом уверенным. Лучше держаться от них подальше. Он терпеть не мог всяких пресмыкающихся. Но ещё больше он не любил крыс. Если выбирать между крысой и змеей, то он предпочёл бы иметь в доме змею, при условии, что она уничтожала бы крыс.

Николас вернулся в машину и дальше поехал осторожней. Дома предстояла встреча с Джерри. Он гордился сыном, как раньше гордился им, Николасом, его отец. Отцу нравилось, что он окончил университет и вернулся на Кипр, да ещё и с беременной женой-англичанкой. Стал строить дом в Пиргосе, а вскоре и сын родился. Жаль, что Джерри не женится на Дороти. Андреас сказал ему, что дети больше не вместе. А теперь сын приехал с китайкой. Кто она ему? Друг, как говорит Аманда? Подружка, как считает он? И зачем тащить китайку на Кипр? Скоро увидит её и сам всё поймёт. Дома ждёт семейный ужин. Второй ужин за вечер. Придётся поучаствовать, но постарается ограничиться напитками.

Через двадцать минут Николас увидел-таки на кухне привлекательную китайку. Маленького роста, глаза огромные.

Фигурка точёная. Девушка сверкнула белозубой улыбкой и на прекрасном английском поприветствовала Николаса:

– Здравствуйте. Я знаю, вы – Николас. Я видела ваше фото. А меня зовут Дженис.

Никос пожал её почти детскую, но крепкую руку, а потом не удержался и поднёс к своим губам. Ай да Джерри! Такую девушку отхватил! Будь Никос на его месте, он и сам влюбился бы в эту азиатскую красавицу.

– Добро пожаловать на Кипр. Надеюсь, вам понравится у нас. А почему в фартуке? Вас заставили работать на кухне?

– Дженис захотела приготовить любимое блюдо своего отца, – вмешалась Аманда.

Никос знал толк в еде, любил готовить и тут же вызвался помочь, но гостья сказала, что всё сделает сама.

– Прошу вас, пусть это будет моим сюрпризом. Я даже ингредиенты привезла из Лондона в переносном холодильнике. Я очень хочу, чтобы вам понравилось моё фирменное блюдо.

И вот стол накрыт. Кипрские вино и закуски. Смущённый Джерри, улыбающаяся восточная красавица Дженис, восторженная Аманда и сдержанно-корректный Николас. Первый тост от хозяина дома в честь дорогой госты. Непринуждённый разговор. Прекрасное настроение. Что нужно для того, чтобы вечер удался? Прежде всего – хорошая компания, когда люди испытывают симпатию друг к другу. Никос уже верил в то, что он может полюбить эту китайскую девушку как

свою родную дочь. Она и станет его названной дочерью, если Джерри на ней женится.

Появляется главное блюдо: сюрприз от Дженис! Кусочки нежно-розового мяса в кисло-сладком соусе попеременно с побегами молодого бамбука. Удивительна китайская кухня! Никогда не угадаешь, что ешь. Свинина похожа на рыбу. Курица пахнет вином. Когда-то Никос пробовал в китайском ресторане в Сан-Франциско вкуснейшую лапшу, которая оказалась специально выведенной породой червей. Вот и сейчас, несмотря на то, что ужин был для него уже вторым, он никак не мог оторваться от блюда, запивая мясо маленькими глоточками вина.

– Дженис, я никогда не ел более вкусного мяса. Позвольте мне угадать. Это кролик? – не сдержал любопытства Николас.

Дженис потупила очи и ответила нарочито церемонно:

- Благодарю вас, сэр! Это мясо приготовлено по специальному рецепту моего отца. Это мясо Джона!
- Какого Джона? – поперхнулся Николас.
- У меня жил крысёнок Джонни, я его откормила и потом стала звать Джоном. Вы ели его мясо. Мой папа очень любит откармливать крыс и готовить мясо по-своему. Он научил

меня.

Немая сцена, потом взрыв негодования! Все бросились кто куда – в туалет, на улицу, – переворачивая стулья и издавая непонятные звуки.

За столом осталась только недоумевающая прекрасная китаянка.

На следующий день Николас отвёз Дженис в аэропорт и, ничего не объясняя, отправил в Англию.

«Как сказать Никосу, что Джон остался на попечении подруги в Лондоне?! Странные эти киприоты. Они совершенно не понимают шуток. Не отличить свинину от мяса крысы?!» – думала Дженис при расставании, глядя на печальное лицо Николаса.

Не расстроился один Джерри. Он не считал Дженис красавицей, и она ему совсем не нравилась. Просто он был так воспитан: всегда быть дружелюбным и терпимым по отношению к другим людям.

Вечером этого же дня Джерри позвонил Дороти и пригласил на свидание.

Мой друг Эзопос

1. Метр с кепкой

Метр с кепкой – шутливо говорят про людей маленького роста. Михалис, мой кипрский друг, понимает и любит шутку. Вот и я подшутил над ним: прозвал его Эзопосом, в честь древнегреческого поэта-баснописца. Михалис – не поэт, он очень-очень рассудителен, точен в выражениях! Что ни скажет, как гвоздь вобьёт в доску. И обличьём он похож на чудака Эзопа, каким тот предстаёт в воображении людей. Ведь за шестьсот лет до новой эры ещё не было фотографии, а портретов Эзопа тоже не сохранилось. Думаю, даже живя при тирании, он оставался непреклонен в своих суждениях. Известно, что Эзоп, будучи рабом, не раз своей мудростью и хитростью выручал хозяина, часто попадавшего в затруднительные положения. Михалис человек доброты безграничной, но и лукавства в нём хоть отбавляй.

– Друг мой Михалис, ты очень похож на Эзопоса, – говорю я ему.

– Ты его видел, Алексис? – отвечает мне Михалис, называя меня по имени на греческий манер.

– Нет. Мне не повезло. Я в то время не жил.

– И хорошо, что не жил, тогда опасно было жить. В рабство могли продать, – Михалис лукаво улыбается и добавляет из вежливости: – Судя по твоему росту, ты был бы господином, а я – рабом, – он намекает, что раб из меня никудышный, так как работать руками я не умею. Карандаш могу держать, на компьютере наловчился двумя пальцами щёлкать свои опусы. А что-то путное сделать, починить кофеварку, например, тут же зову на помощь Михалиса. Он на все руки мастер.

– Михалис, ты всё умеешь делать. Откуда это в тебе?

– Просто делаю, и всё. У меня нет денег, чтобы платить за работу кому-то. Вот и делаю сам.

Погрузить трубу в тонну весом на свой грузовичок? Нет проблем. Михалис это сделал без посторонней помощи.

– Невероятно. Михалис, как тебе это удалось?

Он подробно мне рассказывает, как строил из кирпичей и двух брёвен сооружение, шаг за шагом всё выше накатывал трубу, и в конце концов она оказалась в кузове.

Чем только не занимался Михалис в своей жизни! Не единожды он попадал в разные передряги, но всегда умудрялся найти выход. Природная смекалка и опыт помогали. И жизнелюбие. Всегда улыбается, обо всех говорит хорошо или ничего. Соседу, другу детства, помочь за садом ухаживать? Михалис тут как тут. А как же! Сосед стал инвалидом, кто ему поможет?

– В молодости Адонис очень много работал, очень много.

В два раза больше, чем я. А сейчас бедный Адонис в инвалидной коляске. Да и сад надо опрыскивать, от вредителей спасать.

– А его дети?

– Заняты. Работают.

– А тебе, Михалис, друзья помогают?

– Конечно, помогают. У нас принято помогать соседу, родственнику, другу.

Я сомневаюсь:

– Приведи, Михалис, хоть один пример, когда тебе помогли.

– Много было случаев. Три года назад я взял кредит в банке и вложил деньги в выращивание виноградных улиток. Хотели с приятелем во Францию продавать.

Я насторожился, мне стало интересно, потому что видел на его ферме поросший бурьяном участок.

– Приятель тебе помог?

– Нет, приятель снял деньги в банке и исчез, его полиция до сих пор разыскивает.

– А бизнес?

– Обанкротились. Я банку остался должен.

– И кто тебе помог?

– Банк. Вернее, знакомый менеджер банка. Он продлил кредит на двадцать пять лет. Теперь я плачу банку ежемесячно четыреста евро.

– Ну, Михалис! Ты должен двадцать пять лет выплачивать

долги банку. У тебя пенсия всего четыреста евро, а на что ты жить будешь? Ничего себе помощь! До ста лет в кабале у банка!

– Могло быть хуже. Банк мог забрать мой дом в погашение долга, но они этого не сделали. Я не успею погасить долг, мой сын Стелайос будет платить.

– Как же так?! Тебя обманул твой приятель! Я не думал, что киприоты могут так поступать друг с другом.

– Он был англичанином. Но это неважно. У нас на Кипре тоже есть плохие люди.

Мы идём с ним вдоль моря по тропинке, и почти каждый встречный здоровается с Михалисом. Мне понятно, почему у него так много друзей и почему люди его уважают.

Каждое утро, летом и зимой, Михалис идёт к морю и плавает. Зимой вода по моим меркам очень холодная – семнадцать градусов. Но он и меня прирастил к утренним водным процедурам.

– Нет, Михалис, я в воду не полезу. Бррр! Холодно!

– А ты попробуй. Вначале будет холодно, а потом, когда выйдешь из воды, жарко станет.

Я попробовал, и мне понравилось. Гулять по туристической дорожке и купаться с утра стало приятной необходимостью. Вот во время этих прогулок я и наслушался интересных историй.

2. Необычный ракурс

Мы идём к морю мимо школы. Дети с ранцами спешат на занятия. На дороге лежит стекло от разбитой бутылки. Михалис аккуратно собирает осколки и относит в урну.

– Очень опасно. Дети бегают, кто-то может пораниться. Вот в этой школе мои дети учились: Стелайос и Агата.

– Ты ходил на родительские собрания?

– Да. Потом меня позвали в родительский комитет.

Я молчу. Жду продолжения рассказа. Догадываюсь, что дирекция поторопилась, пригласив его. И Михалис молчит.

– И что, Михалис? Ты согласился? – не выдерживаю я. – Стать членом комитета? Я предупредил их, что это плохая идея, что им это потом не понравится. Но они уговорили меня.

Оказывается, в школах Кипра те же порядки, что и в наших, российских, но проблемы разрешаются легко, если в родительском комитете появляется свой Михалис.

– Видишь школьную спортивную площадку и рядом школьный двор? – говорит Михалис.

– И что? – удивляюсь я, ведь каждое утро вижу, как дети играют в футбол, гуляют по двору. Хорошая спортивная площадка. Что тут скажешь!

– Раньше учителя ставили во дворе свои машины. Удобно. Вышел из машины – и почти сразу в свой класс попадаешь.

Михалис рассказывает, как он предложил запретить въезжать на территорию школы на машинах.

– Так сюда никто и не въезжает, кроме преподавателей, – ответил директор.

– Я предлагаю и им этого не делать, – продолжал настаивать Михалис.

– Почему? Они детей учат. Они здесь работают.

– Да. Но когда школьник пострадает от машины учителя, что вы скажете его родителям?

– Где же мы будем ставить машины?

– Давайте обратимся в муниципалитет и потребуем, чтобы школе выделили места на близлежащей парковке, с оплатой за счёт муниципалитета.

– Неужели выделили? – спрашиваю я Михалиса. – Да, выделили, и все остались очень довольны.

– Бесплатно? За счёт муниципалитета?

– Нет, за счёт школы, но со скидкой от тарифа в пятьдесят процентов, что тоже неплохо.

Я думаю: как бы это дело сладилось в Москве? Скорее всего – никак. Наверное, даже всесильному московскому мэру трудно было бы решить эту проблему. Но в Москве хорошо развита система общественного транспорта, а на Кипре без машины никуда: автобусы очень редко ходят. Здесь почти каждая семья живёт в собственном доме и имеет автомобиль, а бывает, и не один. Что сказать – местная традиция. Поэтому здесь считаются с правами водителей.

Это ещё что! Был случай, когда Михалис отказался от подарков. В честь окончания учебного года устроили банкет. Школьники пели, танцевали. Члены родительского комитета пили соки, закусывали. Михалис не притронулся ни к напиткам, ни к еде. По окончании вечера всем членам родительского комитета вручили по ящику с продуктами. Михалису поднесла подарок жена директора школы.

– Что это? – спросил он.

– Продукты и напитки. Подарок.

– Я это не могу взять.

– Почему, Михалис? Мы каждый год так поступаем. Это традиция. Мы хорошо потрудились и заслуживаем благодарности.

– Я предлагаю похвалить детей за хорошую учёбу и устроить им утренник с напитками и закусками.

Деваться некуда. Так и сделали. Зато потом и учителя, и члены родительского комитета с немного виноватым видом подходили к Михалису и молча жали ему руку. Ох, как нам порой не хватает таких уроков! Нет рядом Михалиса, способного взглянуть на обычные поступки людей под необычным ракурсом.

3. Полицейский прав, но не всегда

В городе Пафосе по боковой улочке едет машина. Водитель не видит закрытого грузовиком знака, запрещающего

движение. В конце улицы стоит полицейский – наблюдает за водителем, нарушающим правила. Неподалёку Михалис ожидает свою жену из магазина. Он всё видит и всё понимает. Ему до всего есть дело. Полицейский подаёт водителю знак остановиться и подходит к нему. И Михалис тоже подходит.

– Вы нарушили правила движения, – говорит полицейский, – я должен выписать вам штраф.

Водитель пытается объяснить, что он не знал, что на этой улице одностороннее движение, что...

– В начале улицы висит знак, запрещающий движение в этом направлении! – недовольным тоном перебивает его полицейский.

– Я не видел знака. Простите меня, – давит на жалость водитель.

– Это ваша проблема. Надо видеть. Будете платить штраф за невнимательность.

Молчавший до сих пор Михалис обращается к полицейскому:

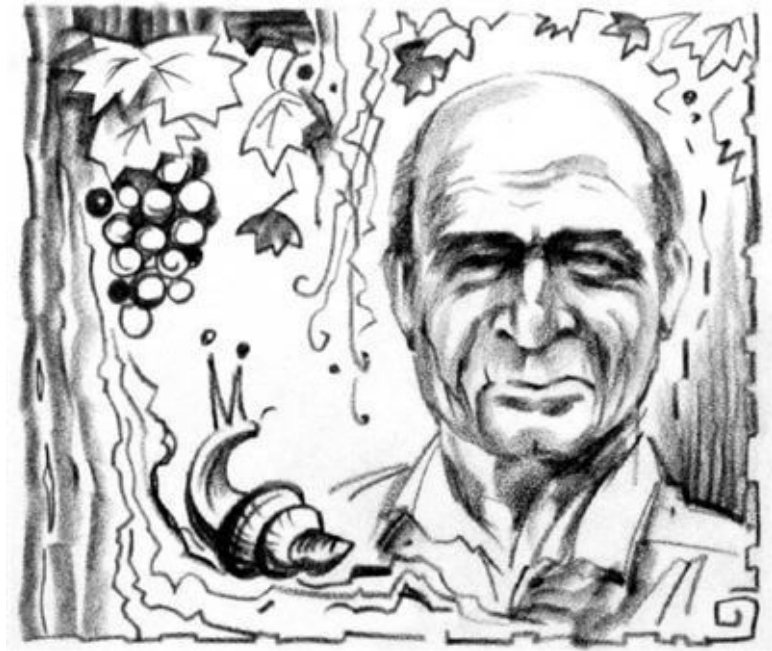
– Послушайте, водитель не виноват. Я тому свидетель. – Он виноват. И это не ваше дело! – уже раздражённо говорит полицейский.

– Не соглашайтесь платить штраф, – обращается Михалис к водителю, – идите в суд, и вы докажете свою правоту. Вот мой номер телефона, я буду свидетельствовать в вашу пользу. Здесь не прав полицейский.

– Вы оскорбляете в моём лице всю полицию. Вы поощряете нарушение закона. Вы мешаете мне исполнять закон! Предъявите ваши документы! – восклицает полицейский.

Михалис показывает свои водительские права и говорит примирительным тоном:

– Послушайте. Вы наблюдали за нарушающим правила движения водителем и ждали, когда он подъедет к вам, чтобы его оштрафовать. Но вы могли остановить его заранее, показав руками знак, что движение запрещено в этом направлении. Я просто хочу, чтобы полиция корректно исполняла свои обязанности.

Полицейский выслушал монолог Михалиса и... согласился с его мнением. Можем ли мы представить такое развитие ситуации на дорогах в Москве?

По дороге из Ларнаки в Лимассол водители моргают фарами, предупреждая о полицейских, контролирующих скорость движения. Встречные машины снижают скорость до разрешённой. То же самое делает Михалис. Но ему не везёт.

Во встречной машине оказался полицейский, который разворачивается, догоняет и останавливает машину Михалиса. И мой друг Эзопос выходит из машины, заранее предвкушая, каков будет разговор.

– Что вам угодно? – вежливо спрашивает Михалис.

– Вы моргали фарами, чтобы предупредить встречных водителей о полицейском контроле скорости движения. Вы мешаете полиции исполнять закон.

– Какой закон я нарушил?

– Мы штрафуем водителей за превышение скорости. А вы помогаете нарушителям уходить от ответственности. Я вас накажу за превышение скорости.

– Но я её не превышал.

– Вы поощряете других водителей превышать скорость и помогаете им уходить от наказания.

– Послушайте! Правительство тратит миллионы евро, чтобы содержать дорожную полицию. Что вы делаете? Ловите нарушителей правил. Я моргаю фарами, предупреждая водителей о недопустимости превышения скорости, и они её снижают. Я хотел бы видеть того судью, который скажет, что мои действия неэффективны. Заметьте, я делаю это бесплатно, в отличие от полиции.

– Поезжайте. У меня нет к вам претензий, – улыбнулся полицейский, оценив находчивость Михалиса.

Я предлагаю Михалису приехать в Москву и повоспитывать наших дорожных полицейских. Уловив подвох, Миха-

лис говорит:

– Ну, тогда, Алексис, мне нужно привезти с собой кипрских полицейских.

«Браво, Михалис! Ты прав», – восклицаю я в уме. Как я могу объяснить Михалису жизнь в Москве?! Это моя жизнь, и я люблю её со всеми плюсами и не люблю с минусами. Но мне очень нравятся порядки на Кипре, когда полицейский выпишет водителю штраф, но никогда не возьмёт от него деньги, а за предложение взятки наденет на водителя наручники. Невозможно предположить, что Михалис предлагает деньги стражу дорожного порядка, чтобы разойтись на договорных началах. Михалис и «договоримся» – тема басни для Эзопа, но не зря Михалис, похоже, и сам из Эзопова рода!

Чудаки на Кипре

Пламенеющее дерево, известное как Flamboyant!.. На тёмно-зелёных ветках пылают букеты огненного цвета, словно крона усыпана горящими углями. Такое величие встречается на улицах Лимассола летом, но снег?.. Немыслимо! Ярко-красные цветы высокого дерева в белых шапках. Пылающий огонь – и сверху снег! Что происходит? Кипр! Июль месяц! В панике Глеб бросил взгляд на соседнюю крышу. И там белым-бело! А море? Ведь отель стоит у моря. Он, как обычно, с утра собирался на пляж, а тут снег! Несколько человек плавали недалеко от берега, женщина в красном купальнике стояла лицом к восходящему солнцу, раскинув в стороны руки. На пляже никакого снега. Глеб перевёл взгляд на пальму; по стволу чёрными ручейками стекала талая вода. А солнце, как сумасшедшее, поднимается над морем всё выше, словно его запустили из пращи. Прошло несколько минут, и под деревьями образовались лужицы, а на крыше дома – тёмное пятно. Внизу в кафе появились первые посетители. Мужик с рязанским лицом-лепёхой с наслаждением пьёт горячий кофе; видно, как пар поднимается над чашкой. Очень пожилая пара – старушка с аккуратной седой причёской и коротко стриженный старичок, опирающийся на толстую трость, идут к столу с фруктами. «Где я, – подумал Глеб, – если снег на пальмах?» Он отдыхает в этом отеле уже пятна-

дцать лет подряд и даже подружился с персоналом. Вот Андреас, старший официант, как всегда подтянутый, вежливо помогает даме бальзаковского возраста занять место за столом. Сейчас поговорит с ней минутку, получит заказ на кофе или чай и неторопливо пойдёт его исполнять. Андреас всё делает не спеша, а получается споро. «Как же так? – мысли Глеба вернулись к зимним видениям, – на деревьях снег, а Андреас как ни в чём не бывало чай-кофе предлагает на открытой террасе?» Вдруг ему подумалось, что это наваждение какое-то, галлюцинации, его опоили вчера каким-то снадобьем!

«Может, показалось? Иди в кафе завтракать!» – приказал сам себе Глеб.

Он подошёл к лифту одновременно со странным старичком: сморщенное лицо, оранжевые шорты, зелёная сорочка, на голове белая в красную крапинку бейсболка с красным же козырьком. Дедок первым поздоровался с Глебом:

– Доброе утречко!

– Good morning, – ответил Глеб.

Откуда старик может знать, что Глеб русский? Не на лице же написано. Открылись двери, и он учтиво пропустил незнакомца вперёд.

В лифте стояла дама в лёгком длинном цветастом платье и в широкополой соломенной шляпе. Она мило улыбнулась Глебу, ответила по-английски на его приветствие, а на деда даже не взглянула, проигнорировав его «Доброе утречко!».

Но Глебу почему-то показалось, что они знакомы. Он заметил на её соломенной шляпе ленту с буквами «I'm buster», или в переводе «Я – придурок!». Женщина вышла на нулевом этаже, а Глеб поехал ниже, туда, где располагалось кафе «Тропикана». Как только кабинка закрылась, старик, хитро улыбнувшись, сказал:

– Милейший, вы ничего странного утром не заметили? – Нет, ничего.

– А снег? Снег на Кипре в июле вас не смущает?

Лифт остановился, и старик, не дожидаясь ответа, как-то очень ловко шмыгнул в открывшуюся дверь и исчез. Глеб вышел за ним с желанием продолжить разговор. Ведь получается, что снег был, и другие люди его видели. Но странного спутника и след простыл.

В «Тропикане» – обычная обстановка. И пятнадцать лет назад, и сейчас неторопливо ходит не меняющийся с годами Андреас. Вот он словно из-под земли появился перед столиком.

– Доброе утро, Глеб! Рад снова приветствовать вас на Кипре, – на безупречном английском, вежливо улыбаясь, произнёс Андреас.

– Доброе утро! Ничто не меняется в этом мире, и это хорошо. Андреас, ты, как всегда, на месте! Я словно домой вернулся. Люблю Кипр! Рай земной! Но когда очень жарко, мы, русские, мечтаем о снеге.

– Снег и у нас выпадает. В горах. В январе.

Разговор не получился. Андреас ничего необычного не видел. А старичок-сморчок что-то знает, не зря задавал дурацкие вопросы. Куда же этот гриб запропастился?

Покончив с завтраком, Глеб отправился к морю прогуляться. Рядом с кафе – маленький искусственный пруд, и если остановиться и постучать легонько по перилам мостика, то в воде появляются огромные рыбины: красные, белые, бурые, разноцветные. Смотрят выпученными глазами и причмокивают. Еду выпрашивают. Кинешь кусочек хлеба, и они тут же на него бросаются, устраивая водоворот. Кормить рыб не разрешали, но Глеб всегда это делал. У него даже любимица была – чёрная и блестящая, как антрацит. Но сейчас её не было видно, и он стал бросать хлеб новой, оранжевой особи, пытаясь попасть ей прямо в разинутую пасть. Откуда она взялась такая шустрая? Из воды выскакивает, чтобы на лету перехватить добычу.

– Не вымерзли, холеры, за ночь! И эта дура тут как тут, – раздался знакомый голос рядом с ним.

От неожиданности Глеб вздрогнул – всё тот же дед за его спиной. Пришлось отвечать:

– А чего им мёрзнуть? Жара уже с утра, а к полудню невыносимо станет.

– Не скажите, милейший. По-всякому бывает ночами. Кера проказничает. А вы её подкармливаете. Зачем? Кроме зла, от неё ничего не жди. Сволочь! Шкуру поменяла. Была чёрной, стала оранжевой. Ишь ты! Даже пасть изнутри цвет-

ная!

Оранжевая рыба почти совсем вылезла из воды. Казалось, что она стоит на хвосте и вытягивается к нему.

Отшатнувшись от перил, Глеб чуть не столкнулся с давешней женщиной из лифта.

– Извините! Здесь только что стоял старичок. Вы не видели его?

– Старый маразматик! Он постоянно здесь шастает. Людей пугает своими дурацкими выходками. Держитесь от него подальше, – дама оценивающе посмотрела на Глеба и вихляющей походкой прошествовала к морю.

«Идиотизм какой-то. Что они здесь, с ума все посходили? Старичок со странными фантазиями. Появляется-исчезает неожиданно. Оранжевая рыба, стоящая на хвосте. И баба какая-то ненормальная».

Поискал глазами оранжевую рыбку, но бассейн был пуст. Странности на этом не закончились. Глеб застрял в лифте и проторчал там минут пятнадцать, пока вызвали служащего, и тот освободил его из заточения. Потом дверь номера долго не открывалась, пришлось идти на ресепшн. Ключ оказался размагниченным, и девушка-менеджер, недоумённо пожав плечами, выдала ему новый с таким видом, будто это он виноват – недотёпа из русской деревни.

До обеда Глеб провалялся на пляже под зонтиком, несколько раз заходил в море, плавал. Потом встретил знакомую пару из Чехии, мужа и жену. Вообще-то они росси-

яне, но живут в Праге, в собственном доме, а на Кипр приезжают покупаться, да и с земляками пообщаться. Мужчины заработал свой капитал где-то на севере, то ли в Тюмени, то ли в Сургуте, и сейчас супруги наслаждаются прелестями жизни. Яков и Майя. Приятнейшие люди. Глеб увидел в воде Майю и подплыл к ней.

– Рад приветствовать вас, Майя! Вы Кипру не изменяете.

– О, Глеб! Здравствуйте! Якову здесь нравится. А от добра добра не ищут. Один раз съездили на Мёртвое море, наглотались солёной воды, и больше – ни-ни.

– Как же вы там воды наглотались? Говорят, она такая солёная, что утонуть невозможно.

– А Яков тонет, и я тону. А не тонет сами знаете что.

Хотя Глеба и покорила сомнительная шутка, но он посмеялся вместе с Майей. Вернулись на мелководье, поговорили ещё минут десять, стоя в воде.

– Майя, вы не встречали здесь старичка такого странного? И Глеб в подробностях описал деда.

– Как же! Встречала. Это – местная достопримечательность. Он всегда в это время года появляется в нашем отеле. Милый такой, но действительно странный. Рассказывает о снеге, который якобы ночью выпадает. О керах, которые появляются и пакостят добрым людям.

– Керы? Да, он упоминал какую-то керу. По-моему, о рыбе он говорил. А что это такое?

– Зловредные существа. Они в древнегреческой мифоло-

гии упоминаются. Могут вредить людям. А старичка зовут Пётр, и фамилия у него такая рязанская – Редька. Он академик каких-то оккультных наук. Безвредный дедуля.

– А даму в широкополой соломенной шляпе видели? Она мне встретилась сегодня два раза, в лифте и возле водоёма с рыбами. Старичка, Редьку этого, назвала маразматиком, сказала, что он ходит и людей пугает небылицами.

– Нет, не знаю такой женщины, – отрезала Майя.

Обедать Глеб отправился в таверну к Тони. Вообще его имя Адонис, но все русские туристы зовут его Тони. Невысокого роста, улыбчивый и очень доброжелательный. Вкусная кипрская еда, большие порции. Новичков Тони об этом предупреждает и советует брать одну порцию на двоих. Этим он и подкупил в своё время Глеба.

– Как бизнес, Тони? – спросил он приятеля после взаимных приветствий. – Год с тобой не виделись. Надеюсь, всё о'кей?!

– Нормально. Сига-сига! – отвечает Тони по-гречески с ударением на «а», что означает «мало-помалу».

Киприоты не жалуются на жизнь. Да и грех тут жаловаться. Погода прекрасная. Всё растёт. Легко можно прокормиться, если немного потрудиться. Глеб решил поспрашивать Тони о чудесах и странностях сегодняшнего утра. Рассказал ему историю о снеге. В ответ Тони посмеялся и сказал, что снег среди лета на Кипре – это почти то же самое, что цветущие пальмы в январе в Москве.

– Шутишь, Глеб? Вы, русские, любите пошутить.

– А деда знаешь? Такой старичок в белой бейсболке с красным козырьком. Чуть больше метра ростом. Говорят, что его имя Пётр.

– Он ко мне не ходит обедать. Я вижу его на балконе гостиницы по утрам. Он какие-то странные пассы делает руками. А однажды ворона с дерева слетела и стала его атаковать! Никогда наши вороны не нападают на людей. А эта набросилась на старика. Возможно, когда-то гнездо разорил? Вот ворона и мстит ему.

– Тони, а женщина в длинном цветастом платье и в широкополой шляпе заходила в твоё кафе? Сегодня или вчера?

– Нет, не видел.

Когда Глеб рассказал о надписи на шляпе «I'm buster», Тони рассмеялся:

– Да это шутит кто-то из отдыхающих. Дарят туристам бейсболки и шляпки. Многие носят. «Buster» – что-то вроде «придурок» или «урод», а некоторые переводят как «хороший парень». Кто его поймёт, что эти шутники имеют в виду. Чудаки! Шоу, что-то вроде «Чудаки на Кипре»!

После обеда в таверне Глеб зашёл в «Тропикану» выпить чашечку кипрского кофе. Кроме кофе его привлекало это место тем, что там работала киприотка Деспоина. Все звали её просто Деспо. Маленького роста, с вечной улыбкой, большими тёмными глазами, Деспо ему очень нравилась. Однако в этот раз вместо Деспо у стойки стоял пожилой мужчина с

талией почти в два обхвата. Неприятный. «Обойдусь без кофе», – решил Глеб и отошёл к клетке с попугаем. Старый попугай – неизменный атрибут кафе. Его знают все гости отеля. По утрам он, передразнивая котов, громко и пронзительно мяукает. Бывает, что свистит, а иногда выдаёт какие-то перлы на греческом языке.

Попугай дремал на жердочке. Вдруг он встрепенулся, зло посмотрел на Глеба и закричал по-русски: «Балда! Балда! Балда!» Не иначе, наши туристы научили. Хорошо, что хоть материться не стал.

«Вот выдался денёк. Чудеса не кончаются!» – огорчился Глеб и решил вздремнуть пару часиков.

Входная дверь номера была не заперта. «Убирают, что ли? С утра не могли!» – он разозлился и толкнул дверь. На его кровати в купальнике сидит дама из лифта.

– Заходи, заходи. Я давно жду тебя, – заулыбалась она беззубым ртом с оранжевыми губами и протянула к нему руку.

– Да вы... – пролепетал Глеб и выскочил, как пуля, с гротом хлопнув за собой дверь.

Посмотрел на дверь и ужаснулся – этаж перепутал. Опять случайность?

Что происходит? Что за дурацкий отель! Какой тут к чёрту отдых, когда на каждом шагу с тобой что-то случается?!

Как в полудреме добрался он до своего номера, наглухо задвинул шторы на окнах и лёг спать. Спал, не спал – сам не понял! Во сне каркала ворона, огромная рыбина чмока-

ла оранжевым ртом у самого его лица, попугай мяукал кошкой. От страха он попытался куда-то бежать, но его успокоила невесть откуда появившаяся Деспоина. Она поцеловала Глеба в обе щеки, посадила за стол и поднесла чашечку дымящегося кофе.

Проснувшись, он не мог поверить, что проспал чуть ли не двадцать часов. За окном обычное летнее утро! Щебечут птицы на деревьях. Появились ранние отдыхающие. Яков ведёт под руку Майю, торопятся на пляж – солнце встречать. И вот оно! Светило внезапно вынырнуло из моря и стало скорёхонько подниматься всё выше и выше. Нет никакого снега. Да и откуда ему взяться в июле на Кипре?!

«Приснится же такая хрень!» – думал Глеб, вспоминая чудеса вчерашнего дня. Из кафе доносился запах кофе, яичницы и свежей выпечки. Андреас смотрел вверх и махал Глебу, приглашая на завтрак. Из соседнего номера лилась его любимая песня «Love is where you are». Глянул на балкон нижнего этажа и чуть не свалился опять в постель: в кресле-качалке сидела сама Дайана Кролл!

В то же утро он срочно покинул отель. Когда такси уже отъезжало, из дверей выскочил служащий и побежал вслед за машиной, размахивая белой бейсболкой с надписью «I'm buster». Через опущенное стекло Глеб услышал крик менеджера:

– Вы забыли бейсболку в номере! Подождите! – Гони! Опоздываем, – приказал он водителю.

Уже в самолёте в газете Глеб прочитал, что в Лимассоле проходил международный съезд колдунов. В течение двух дней в одном из отелей, где собрались колдуны, некоторые из постояльцев были свидетелями странных происшествий. Кто-то из туристов отморозил ноги на пляже. Какая-то сумасшедшая ворона напала на пару пожилых людей: седую старушку и мужчину с тростью. А подросток из России чуть не лишился руки – цапнула оранжевая рыба, когда он пытался кормить её хлебом. Слава богу, какой-то дед оказался рядом и отогнал гадину. Автор статьи пытался убедить читателей, что в отеле проживали древнегреческие керы – мифические злые существа. Разве такое может быть? Как керы из древних мифов могли попасть в современную гостиницу?

Ошарашенный Глеб не знал, что и думать. Откуда корреспондент знает о тайном съезде колдунов? Не слишком ли он информирован? В последнее время много пишут, что некие спецслужбы проводят опыты над людьми. А если это был их эксперимент? Может, проверяли тайное психотропное оружие на туристах. И он, Глеб, оказался среди подопытных. Возможно, он и сейчас в опасности?

«Но как? Как они могли организовать снег, выпавший у бассейна? Вспомнил красивое, пылающее ярко-красным цветом дерево в снегу. Немыслимо! И Дайана Кролл на Кипре. Неужели это была она? Возможно, у меня были галлюцинации? Или опоили каким-то зельем. Но почему меня? Я-то им для чего?»

По радио объявили, что самолёт проходит через зону турбулентности, и попросили пассажиров оставаться на местах, застегнув ремни.

«А если это неземные силы?» – вдруг пришла к нему дурацкая по своей неправдоподобности мысль.

Подошла стюардесса и спросила, всё ли у него хорошо.

– Да, – ответил Глеб машинально.

– И славненько, – улыбнулась девушка оранжевым беззубым ртом и прошла дальше.

В аэропорту Домодедово Глеба встречала скорая помощь.

Он очнулся на следующий день в больнице. По телевизору сообщали, что в районе города Лимассол произошёл взрыв на складе боеприпасов. Погибло несколько человек, в том числе высокопоставленный кипрский военный. Была полностью разрушена электрическая станция, дающая половину электроэнергии на острове. В Интернете Глеб обнаружил любопытную информацию: якобы огонь перекинулся на сухую траву с пламенеющего дерева, которое ещё называют за его ярко-огненное цветение «дерево-пожар». «Неужели такое возможно? А если возможно, тогда и снег, выпавший в то утро на огненную крону дерева, был явью, а не галлюцинациями?» – думал ночами в больничной палате Глеб. Но он предусмотрительно ни с кем своими мыслями и сомнениями не делился. Через неделю его выписали из больницы, не обнаружив никаких заболеваний.

После этого случая Глеб перестал ездить на Кипр в период

цветения пламенеющего дерева. Предвззсудки? Возможно, да. Но он решил держаться от греха подальше. Каких только чудес не бывает на белом свете!

Вечер с Дафной

Женщина за стойкой регистрации была сурова, неразговорчива и поразительно некрасива. На приветствие Мареева что-то буркнула в ответ, даже не посмотрев на него. Но Мареев не отступал:

– Скажите, пожалуйста, мадам, где можно поужинать?

– Там, – ответила женщина, махнув рукой в глубину помещения.

Обернувшись, Мареев увидел в конце зала полуоткрытую дверь и столы ресторана. ОТЕЛЬ назывался «Daphne Hotel Apartments». Обычная трёхзвёздная гостиница рядом с набережной в городе Пафосе. Мареев приехал в Пафос на два дня, сбежал от суеты своего дня рождения в Лимассоле. Не хотелось ему никаких встреч с друзьями, не хотелось слышать тосты в свою честь – искренние, но в основном состоявшие из штампов с пожеланиями здоровья, счастья, вдохновения в творчестве и всяких других благ.

– Возможно, потому и штампы, что от души говорится, – сказала дочь Маргарита, которая по этому случаю прилетела к нему в гости из далёкого Владивостока.

– Конечно, Рита, но хочется тишины в этот день. Разве что немного свежего ветра не помешает. А человеческих голосов – нет, не хочется, – отвечал полушутя-полусерьёзно Мареев.

– И меня удалишь из праздника? – заулыбалась Маргари-

та.

– И тебя! Но сначала мы с тобой пообедаем в Пафосе в рыбной таверне, а потом я останусь в городе на две ночи один.

И вот он в отеле с таким романтическим названием в честь древнегреческой нимфы, которую её отец, речной бог Ладон из Аркадии, превратил в лавровое дерево, чтобы спасти от преследования юного Аполлона. Дафна сохранила целомудрие, но какой ценой! Аполлон же остался с носом, в отличие от своего отца Зевса, которому все женщины покорялись и нарожали многочисленное потомство. И олимпийские боги, бывало, терпели поражения в любви, не то что мы, земные мужчины. Вот и поэт Пётр Заречкин предупредил в стихах: «Мужчины, опасайтесь женщин!» А он знает, что говорит. На старости лет оказался один с искусственной челюстью и с сонмом детей, признанных и непризнанных. Заречкин, конечно, не Зевс, но не менее плодovit!

«А может, неприступная мадам на ресепшн и есть воскресшая Дафна, – подумал Мареев. – Ведь отвергла она любовь красавца Аполлона в своё время, и вот, простояв лавром несколько тысячелетий, продолжает ненавидеть мужчин». Но тут же возразил себе, что суровая особь внешностью никак не похожа на красавицу нимфу с белоснежной кожей. По крайней мере, какую её представлял себе знаменитый мастер Джованни Бернини, изваявший нимфу вместе с Аполлоном из мрамора. Не зря скульптура хранится в

знаменитой галерее Боргезе в Риме. Разве унылую женщину стал бы скульптор ваять? И разве стали бы такое изваяние хранить в своих коллекциях кардиналы и папы? А вдруг сбылось пророчество кардинала Маффео Барберини, будущего папы Урбана VI, который написал двустийше-предостережение, мол, не ищите наслаждения в исчезающей красоте, иначе останетесь с руками, полными листвы и горьких ягод. «Ну её, эту вредную уродину! Залезла в голову и никак не отцепится», – подумал Мареев, отгоняя от себя дурные мысли и присаживаясь за стол.

Ресторан оказался похож на затрапезную столовку из российской глубинки. Столы без скатертей. Официантов нет. Буфетное обслуживание. На барной стойке паста болоньезе (макароны по-флотски), салат из подвявшей капусты с редкими вкраплениями тонко нарезанного красного перца, жареные куриные ножки и сок. Вилки, ложки пришлось добывать самостоятельно.

Поковырявшись в тарелке, Мареев махнул рукой на такой праздничный ужин и отправился в таверну «Пеликан», где он днём обедал с дочерью. Тогда их обслуживал очень проворный официант Иван из Молдавии. Парень прямо летал между кухней в основном помещении и столиками под тен-том у воды. А какой выбор рыбы из утреннего улова! Иван оказался словоохотливым и улыбчивым. Показал в телефоне фотографию, где он стоит рядом с Евгением Примаковым. Когда это было? Где-то лет десять назад, в этом же рестора-

не, где чета Примаковых обедала. Нет уже в этом мире Евгения Максимовича, знаменитого российского политика, учёного и писателя, а память о нём живёт даже в маленьком курортном кипрском Пафосе. Иван с упоением рассказывал о своей встрече со знаменитостью. Мареев подумал, что и детям, и внукам своим тот будет показывать эту фотографию! Вспомнил строки из своего же стихотворения:

Земная жизнь так скоротечна, —
Кто вспомнит нас в глубинах лет?

Кого-то вспомнят, а чей-то след затеряется. Вот следы его дедушки Фёдора из далёкого украинского села не должны затеряться; он, Мареев, постарался и в стихах деда прославил, а теперь песни уже поют о том, как дедуля мастерит скворечники в ожидании прилёта птиц! Мареева и его стихи забудут, а песня, даст Бог, останется.

Какой чудесный городок этот Пафос! Мареев шёл по набережной и с удовольствием наблюдал за отдыхающей публикой. Вспомнилась набережная в Коктебеле в Крыму, где он бывал раньше летом. Тот же праздник жизни! Рестораны, кафе, лотки, киоски. Отдыхают люди, забыв о репортажах из Сирии, Афганистана и других горячих точек. Да и в Европе уже стало беспокойно из-за наплыва беженцев.

От неприятных мыслей Мареева отвлекла бегущая по морю яхта под белым парусом. А над морем бирюзовое небо

с высокими облаками. Облака-великаны сближались друг с другом, образуя какие-то сказочные фигуры, и снова расходились. Всё это происходило над горизонтом, а в зените небо почти чистое. Вот так и в жизни: где-то буйство фантазий и событий, всё меняется ежечасно и ежеминутно, а где-то спокойствие веками, разве что маленькие невинные тучки появятся в небе и исчезнут без следа, растаяв в лучах заходящего солнца. А в курортном Пафосе пока прекрасная погода!

В таверне «Пеликан» обстановка праздничного вечера. Горят огни. На веранде газовые горелки высотой более чем в два метра; пламя в прозрачной трубе, огороженной конусообразной сеткой, рвётся вверх и по пути отдаёт тепло людям за ближними столиками. Не сезон – середина мая, по вечерам бывает довольно прохладно. Иван встретил Мареева радушно, как старого знакомого, и предложил попробовать свежайшие устрицы дневного улова с кипрским белым вином «Zambaratas». Вечер удался: созерцание звёздного неба под шум прибоя; мимо прохаживаются безмятежные туристы. Огромный мужчина бережно ведёт под руку маленькую стройную даму и, заглядывая ей в глаза, что-то увлечённо рассказывает. Две старушки, божьи одуванчики, держась за руки, идут и вдыхают морской воздух. Ничего им не нужно, кроме этого самого морского воздуха. Стайка девушек пробежала, прыская смехом в ответ на приглашение зазывалы посетить его таверну, потому что сегодня именно у них са-

мая вкусная рыба. Когда есть свободная минута, к столику подходит Иван, чтобы справиться, всё ли в порядке, и рассказать какую-нибудь короткую историю из курортной жизни.

После ужина Мареев в прекрасном расположении духа покинул таверну и отправился прогуляться по ночному городу. Пошёл по набережной в сторону Пафосского замка. Впереди шли две женщины с полными сумками. «Видно, купили в магазине продуктов и домой тащат», – подумал Мареев, следуя за ними. Но женщины повернули налево, к марине. «На яхту идут», – сделал он ещё одно предположение. Но, к его удивлению, женщины остановились возле огромного уродливого замка, известного ещё с четырнадцатого века. Не раз за эти долгие годы замок подвергался разрушению, но всегда его восстанавливали. Во время турецкой оккупации здесь была тюрьма. Туристы любят осматривать окрестности, поднявшись на его крышу. Женщины стояли у мостика, ведущего к запертой двери, и что-то обсуждали, поставив сумки на мостовую.

– Вы живёте здесь, леди? – в шутку спросил Мареев. – Что это за здание?

– Нет, мы просто смотрим, – ответили женщины на ломаном английском.

– Извините, вы не местные? Может быть, русские?

– Да, мы из России. Приехали на экскурсию из деревни Кефалос, километров семь отсюда. Купили подарки и вот ре-

шили пройти по набережной перед обратной дорогой.

Мареев помог землячкам Алле и Кате донести тяжёлые сумки до автобуса и отправился в свою гостиницу. Он был доволен собой: хорошо провёл время в ресторане, сделал доброе дело для соотечественниц. Людей на набережной уже было поменьше. Изредка проходили пары, видимо, возвращаясь из ресторана. Навстречу ему шла стройная женщина в каком-то необычном одеянии пурпурно-красного цвета, небрежно накинутом на плечи, – правая рука оголена, а левая прикрыта складками ткани. Мареев видел такие женские хитоны на картинках в книгах о древнегреческих мифах. Сколько фантазии вложено в этот длинный, до самой земли плащ... Женщина широко раскинула руки. Марееву показалось, что рукава её одежды стали похожи на огромные крылья.

– Молодой человек, вы не поможете мне? – спросила женщина по-русски.

– Да, конечно! – запинаясь, ответил Мареев.

Разве он мог не помочь такой белокожей красавице с огромными карими глазами? Небольшой точёный носик, полные алые губы и смущённая улыбка женщины, которой, возможно, неудобно обращаться на улице к незнакомому мужчине, но обстоятельства заставляют её это делать. Эти мысли промелькнули в голове у Мареева, и он тут же добавил:

– С удовольствием помогу, тем более что мы вроде бы зем-

ляки.

– Нет, я – гречанка. А русский язык выучила. Так можете?

– Да, да... Что нужно сделать!

– Проводите меня, пожалуйста, до гостиницы. В силу обстоятельств я оказалась без мужской поддержки в этом городе.

Мареев насторожился. Он уже попадался на такую удочку, когда у него подобным образом выманивали деньги. Но то были другие женщины, плохо одетые, какие-то потерянные, они давили на жалость. А эта? Эта, кроме восхищения, ничего другого вызвать не может! Уверенный тон, невинный взгляд, неподдельное смущение. Мареев, отбросив всякие сомнения, с готовностью сказал:

– Располагайте мной, мадам! Куда вас проводить? Меня зовут Всеволод.

– О! Я знаю. Всеволод – это Сева. Так вас, наверно, в детстве звали. Можно я вас тоже буду так звать?

– Мне будет приятно. Меня и сейчас друзья так зовут. А позвольте узнать ваше имя?

– Дафна.

Мареев опешил. Он остановился в отеле «Дафна», и странную незнакомку тоже так зовут. Не сон ли это?

– Ваш отец случайно не Ладон из Аркадии? – нашёлся Мареев.

– Да, да, Сева! Он самый. И я родом из страны, основан-

ной, по преданию, Аркадом, сыном Зевса. Мне здесь недалеко, но вначале я хотела бы выпить чашечку кофе! Я знаю одно замечательное местечко. Пойдёмте со мной. Не оставляйте даму одну.

Мареев уже давно не пил на ночь кофе, но ещё далеко не ночь, да и почему бы не посидеть с такой прекрасной и общительной женщиной и не поболтать немного?

А вдруг? Нет, никаких «вдруг»! Нужен такой красавице старый хрыч!

Путь оказался не очень близким, но в конце их ждала награда в виде традиционной кипрской таверны «Democritos», названной, видимо, в честь знаменитого древнегреческого философа Демокрита, жившего примерно две с половиной тысячи лет назад. «Смеющимся философом» прозвали земляки Демокрита при жизни, так как он, созерцая мир, мог внезапно рассмеяться своим мыслям. Ему казались смешными и мелкими дела людей в сравнении со вселенским порядком. В этой таверне веселье плескало через край. Играла живая музыка, стройные мужчины танцевали. Время от времени к ним присоединялась и Дафна, весёлая и загадочная в своём фантастичном одеянии. Группа англичан непрерывно хлопала. Аплодисменты сопровождали Дафну, когда она возвращалась к столику Всеволода, и получалось, что внимание посетителей к красавице частично доставалось и Марееву, чему он был очень рад! А что? Кто не возрадовался бы, когда для него танцует молодая и красивая гречанка в

пурпурно-красном хитоне!

Каким-то чудесным образом на столе появились вино и маленькие тарелочки с кипрскими сладостями, орешками и фруктами. Неожданное продолжение праздника в обществе нимфы из Древней Греции. Умной, привлекательной и весёлой! Когда Дафна в очередной раз отправилась танцевать с актёрами, Мареев не выдержал и подозвал менеджера, приятного вида женщину лет пятидесяти:

– Вы знаете танцующую даму?

– Сэр, это вы с ней пришли. Мы её видим впервые!

– Её зовут Дафна. Я с ней познакомился сегодня вечером.

Она так прекрасно танцует.

– О да, сэр! Возможно, она не только танцует, но и поёт?

Смолкла музыка. Дафна вернулась к столу и, подняв бокал, произнесла:

– Сева, пью этот древний напиток за вас! За наше знакомство!

– Спасибо. Никогда не думал, что так закончится мой день рождения! В обществе красивой гречанки в хитоне, да ещё и танцующей для меня.

– Сева! А давай я спою для тебя! – предложила Дафна, переходя на «ты» и ничуть не удивившись тому, что у Мареева сегодня день рождения. – Я спою современную песню, но чуть позже, когда наступит новый день, сразу после полуночи!

Мареев непроизвольно посмотрел на часы: «Как быстро

пролетело время! Вот и заканчивается этот удивительный вечер, полный фантастических событий. Пафос, отель, названный в честь нимфы Дафны, обед с Маргаритой в таверне “Пеликан”, ужин в одиночестве в той же таверне, прогулка по ночному городу, помощь двум русским туристкам и... красавица гречанка Дафна! Сказка!»

Они пили вино и говорили о всякой всячине: о всемогущем боге Зевсе, о нимфе Дафне, о философии Демокрита, о греческих танцах в исполнении современных артистов. Перед Мареевым сидела хорошо образованная, умная собеседница, и он порой терялся от обилия её знаний, но не стеснялся спрашивать о том, что ему было непонятно в истории Греции.

– Сева, заведение закрывается. Музыканты уходят. Я сейчас спою тебе песню «С добрым утром», ведь уже зарождается утро.

На часах было ровно тридцать минут после полуночи. Дафна подошла к музыкантам и начала петь на русском языке под живую музыку:

Калимера, калимера, —
Пахнет утренней зарёю.
Калимера, калимера, —
Пахнет морем и тобою.

Немыслимо! Гречанка с эпическим именем Дафна поёт песню на его, Мареева, стихи. Для него поёт, в первое утро

после его дня рождения! Мареев написал эти стихи здесь, на Кипре, почти два года назад. И вот звучит музыка, звучит песня, словно призыв к новой жизни! Мареев не выдержал и встал! Официанты, музыканты и гости аплодировали закончившей петь Дафне.

Оказалось, что весь этот спектакль устроил друг Всеволода с Дальнего Востока, бизнесмен и меценат Кедровский. И красавица Дафна словно залетела в жизнь Мареева из времён Демокрита. А может быть, это была посланница Зевса, и спустилась она с самого Олимпа?

— А кто эта женщина, что сыграла роль Дафны? — спросил я Мареева, выслушав его рассказ о приключениях в день рождения.

— А была ли это роль? Какое это имеет значение, Александр! — засмеялся Мареев. — Главное, что праздник получился, и получился с продолжением.

А вот о продолжении Мареев ни слова не сказал. Зная его, я могу только догадываться, чем закончилась эта история. И закончилась ли?

Что было дальше? Возможно, Мареев когда-нибудь и расскажет. Человек легко верит, что сказка существует, и я не исключение. Если в древние времена, ещё до Демокрита, боги запросто спускались с Олимпа на землю, то почему бы в наше время прекрасной нимфе не заявиться к Марееву на день рождения? Возможно, мир остался таким же, каким он был прежде. И олимпийские боги, и златокудрые нимфы продолжают жить рядом с нами, но сейчас, в отличие от былых времён, они стали незримыми для нас, простых смерт-

ных! И я решил, что в следующем году на свой юбилей тоже отправлюсь в Пафос. А вдруг и я встречу на набережной Пафоса красивую нимфу или даже богиню? Надо поторопиться. Чудеса приходят к тем, кто сам спешит к ним навстречу.

Взбалмошная подруга

Нина стояла у бокса породистого жеребца и любовалась красавцем – вороной, поджарый, тонкие и сухие ноги. Прядёт ушами, косит дико взглядом и пофыркивает. Протянула руку, чтобы погладить через отверстия в решётке, но тут же отдернула. На двери висела табличка: «Осторожно! Лошадь кусается!»

«Что, допекли тебя, милый, приставаниями? Кусаться стал. Я и сама готова сейчас укусить кого-нибудь!» – обратилась она к жеребцу. Обернулась, нет ли кого рядом. Подумают, чокнутая девка, с лошадью разговаривает. А ей просто коня жалко – закрыли в железной клетке вместе с другими такими же бедолагами напоказ посетителям загородного ресторана «Чумацкий шлях», что на Обуховской трассе в тридцати минутах езды от Киева. И себя Нине тоже жалко – надо возвращаться в Киев. Только что звонила подружка Жанна. Вот кто действительно взбалмошная, так это она! Каждый раз что-то с ней случается! И опять очередное приключение, с балкона восемнадцатого этажа истеричным голосом кричала в трубку, что взлетит в небо. Что опять с ней не так? Марк её обидел?! Как он мог обидеть, если вчера улетел в Панаму, и всё было хорошо? Как бы там ни было, а надо ехать к ней. Вдруг бросится вниз! «Хорошо, что не стала говорить по телефону в ресторане при родителях, детях и

других родственников», – подумала Нина.

Только сели за стол – и на тебе! Что же такое натворил её муж Марк? Он пластический хирург. Два года назад Жанна обратилась к нему по рекомендации друзей с просьбой уши подправить, видите ли, у неё уши слишком острые, на кроличьи похожи! Из-за этого к пластическому хирургу обращаться?! Что он ей там подправлял, неизвестно, но подруга так с ним закрутила, что он бросил жену Дану, крупную голубоглазую красавицу с тремя детьми, и ушёл к манерной до невозможности Жанне, брюнетке с осиной талией.

Опять заверещал телефон в сумке. Звук дурацкий, словно свинья хрюкает: «Хрю-хрю! Хрю-хрю-хрю!» Не отвечаешь, начинает на повышенных тонах визжать. Вначале было забавно, но надоел уже визг свинячий.

Звонил новый ухажёр Лолик. Как его по паспорту звать, не признаётся. Лолик да Лолик, все так его зовут. Здоровенный бугай, рожа красная, а туда же: Лолик!

– Нинель! Поздравляю! У меня к твоему дню рождения подарочек припасён от «Hermes». Когда празднуем?

– Сегодня с родителями! Завтра, возможно, с друзьями, если... – тут же прикусила язычок. Зачем всяким лоликам проблемы её институтской подружки Жанны?

Но Лолик даже не обратил внимания на «если»:

– Сбор на старом месте? В «Чумацком шляхе»? Кто будет?

– Лолик, потом сообщу. Не до того сейчас!

И действительно, Нине было не до того, чтобы ласы то-чить с Лоликом. А если действительно Жанне плохо? А если и вправду с балкона сиганёт? С неё станется. Год назад кто-то пошутил, что у неё попа треугольником! Она к Марку: «Сделай мне попу как у Николь Кидман». Когда Марк отказался, Жанна наглоталась снотворного и чуть концы не отдала. Менял Марк жене попу или не менял, история умалчивает, но форма её зада стала более округлой.

В финансовом институте Жанна была обычной привлекательной девчушкой из Ирпеня – смешливой, конопатой, со вздёрнутым носиком. Потом она исчезла лет на пять, где её носило – тайна. Но вернулась изменившейся до неузнаваемости: губы надутые, глаза навывкате, лицо белое и без конопушек, нос прямой и бюст шестого размера!

С новой внешностью Жанна приобрела и новые привычки: курит длинные сигареты, держа их между двух пальчиков и оттопырив мизинчик, морщит носик, когда злится, и при этом фыркает, как мопс. Встречаясь с друзьями, обязательно целуется, вытянув губы трубочкой! Хоть бы в зеркало посмотрела, насколько это выглядит некрасиво – ярко-красные губы, вытянутые трубочкой!

Недавно увлеклась новой японской игрой в смартфоне – войной покемонов. Марк завёл ей американский аккаунт, и игра стала доступной даже в Киеве. Суть игры – с помощью программы продвигаться в реальном мире и выискивать ска-зочных воинов на карте, тренировать их и вступать в вой-

ну с другими покемонами. Какой-нибудь чудик, уткнувшись взглядом в экран смартфона, подходит и говорит, что у вас на плече покемон! Вот и Жанна стала бродить по улицам Киева, набирая своё виртуальное войско. Дошло до того, что однажды забралась на дерево в парке Тараса Шевченко, чтобы снять с ветки существо. Марк даже охрану приставил за ней присматривать. Не помогло. Пришлось аккаунт отключить. С Жанной случилась истерика, утопиться грозилась, но обошлось. Надолго ли?

Нина забежала в туалет, покрутилась перед зеркалом, полюбовалась своим отражением. Чёрные слегка раскосые глаза, скулы высокие, небольшой подбородочек, лебединая шея. И всё натуральное. Пошла породой в деда по линии отца, то ли татарина, то ли чуваша. Показала себе язык и кулаком погрозила, маленьким да сильным. Не раз доказывала это, вступая в схватки с наглыми прилипчивыми мужиками, если чрезмерно хамить начинали. А сейчас сама на себя разозлилась, что пустилась в рассуждения, когда Жанне плохо. Ехать немедленно, спасать надо подругу, неизвестно, что ей в голову взбредёт! Бывает так с Жанной, что накатит дурная волна и тащит её туда, где водовороты, быстрина и камни. А сейчас притащила на балкон восемнадцатого этажа.

Решительным шагом вернулась в зал.

– Я должна ехать! Гуляйте без меня!

Сестра Вера вышла из-за стола.

– Нина, куда ты? К Жанне?

– Да! Ей плохо.

– Вы видели такое?! – всплеснула руками Вера. – У тебя же день рождения! Уедешь – нам будет плохо: отцу, матери, Таше, Феде, мне.

– А если Жанна с балкона бросится, вам будет хорошо? Первая же плакать будешь. Жалко её, дурёху. Празднуйте без меня. Я всё оплатила. Адью!

Жанна сидела за столом и пила чай с печеньем из куркумы. Нине обрадовалась:

– Нинок, печенье – класс! Помогает худеть. Давай тебе чайку налью!

– Не ешь много куркумы, Жанна! Понос будет, – отомстила Нина за поднятую волну.

– Кто сказал?

– Посмотри в интернете.

Подружка тут же кинулась справляться в интернете. Посмотрела и с восхищением Нине:

– Нинуся, какая ты умная! И правда – куркума полезная, худеть помогает, но может вызвать понос. Хорошо, что сказала. Мне эта неприятность не нужна. Завтра Марк прилетает.

– Так быстро возвращается из Панамы? А что стряслось? Что ты так запаниковала? Я бросила родителей в ресторане, стол накрытый – и к тебе.

– Нина, прости. Марк хотел лететь на Кипр. Без меня. –

И что?

– Передумал! Возвращается, потом вместе на Кипр. Может, и ты с нами?

На Жанну невозможно долго обижаться. Разве можно обижаться на курицу, что во дворе гребёт и пыль подымает? Курица из-за отсутствия мозгов в маленькой голове не помышляет, чтобы кого-то обидеть, а своё дело делает: питание добывает и регулярно яйца несёт. Вот и Жанна так – нет в её глупенькой голове никакого зла. Всем помогает. У церкви ни одну нищенку не пропустит, пять гривен не подав.

Пили чай с печеньем, но вначале по рюмке коньячку пропустили. Марк может себе позволить иметь в доме дорогой коллекционный коньяк – умеет зарабатывать деньги. Открыл отделение своей клиники в Панаме и планирует начать бизнес на Кипре, тем более что в Лимассоле хороший партнёр нарисовался – Костакис, кардиолог. Всех местных красавиц знает, да и богатые украинки у него лечатся, из тех, кому мужья купили виллы на острове. Уж Костакису обстановка на Кипре известна! А то, что он не хирург, неважно. Красивым женщинам не только пластика, но и уход нужен. Интеллигентный и всегда улыбающийся Костакис для Марка находка. Жанна с жаром рассказывала Нине о новых перспективах семейного бизнеса. Семейного, потому что Марк половину акций на неё переписал.

– Нинуля, я узнала, что недалеко от города Полиса есть отель для знаменитостей, мы с тобой туда поедem. А что? Я

вся такая! И ты при мне.

– Успокойся, Жанна! Я-то на какие шиши в такое место поеду? У меня Марка нет и вообще мужа нет. На себя только могу надеяться. Зарабатываю неплохо, но не столько, чтобы в элитном отеле на Кипре отдыхать.

– А я на что! Марк нас двоих легко потянет!

– Не-е. Это уже слишком.

Нина не сказала, что Марк уже как-то пытался в ресторане по коленке её погладить, но она так на него посмотрела, что сразу охоту отбила. Тоже мне красавец! Кругленький, с пузком, а туда же! Не постеснялся, что они с Жанной подруги.

Подруга всё уладила. У неё всегда получается так, как ей хочется. Изменила свою внешность и превратилась из провинциальной девчушки в столичную даму. Нашла мужа, солидного и богатого. Уболтала Марка поменять её старенький «Ягуар» на спортивный серебристого цвета «Бентли». А «Ягуар» перешёл к Нине за символическую плату, примерно в десять раз дешевле рыночной стоимости. Возражений не приняла:

– Нина, я хочу, чтобы ты ко мне приезжала на солидной машине. И мне будет приятно увидеть, что мой «Ягуарчик» в хороших руках. Он Марку служил пять лет, мне – два года и тебе ещё послужит.

– Жанетт, ну ты и крутая! Про мужиков с таким настоящим характером девушки говорят, что им невозможно отказать. Но по правде, мне твой «Ягуар» безумно нравится,

и я уже хочу его.

С поездкой на Кипр тоже всё получилось. Нина отказывалась ехать, но случилось так, что Марк задержался в Панаме, и пришлось Нине заменить его. Не оставлять же Жанну одну. И вот они в отеле «Anassa 5*», что рядом с деревней Лачи недалеко от Полиса. Море, большая территория, а за её пределами обычная жизнь. Но в отеле есть всё для отдыха: роскошные номера, внимательная прислуга, дорогие бутики, спа-салоны, бары, рестораны и прочие маленькие прелести курортной жизни. В деревню не выезжали, что там делать в жару? Публика в основном английская, но и украинцы встречались, не говоря уже о туристах из России. Последних можно везде встретить, во всех уголках мира и за его пределами. Самые отчаянные даже в охваченную войной Сирию отправятся, если рекламу хорошую дать. Ничто не пугает: ни жара, ни холод, ни пираты, ни террористы. И цунами не пугает – после разрушительной волны в Азии туристы из России продолжали выкупать путёвки в Таиланд. Хотя экстремалы во всех странах имеются. Писали, что одна англичанка осталась жить в джунглях, так ей понравились дикари в набедренных повязках из банановых листьев. А Жанна взбалмошная, но практичная, она проверила в интернете и выбрала именно ту гостиницу, о которой мечтала. Партнёр мужа Костакис специально поехал в отель, проверил номер и упругость матраса. Жанне не нравится слишком мягкое ложе, и слишком жёсткое тоже не нравится. По настоянию Ко-

стакиса администратор поменял матрас и поставил на стол статуэтку обнажённого африканца. А Нина ничего в номере менять не стала.

Середина июля. Температура воздуха на солнцепёке под сорок градусов, а в номере прохлада от неслышно работающего кондиционера.

– Нинос, сегодня отдыхаем. Никакого пляжа. Попьём чаю с печеньями из кукарачи и спать, – объявила Жанна, осматривая номер люкс из двух комнат.

– Какой кукарачи? Может, из куркумы?! Кукарача – по-испански таракан! Песенка такая есть, – расхохоталась Нина и стала, дурачась, напевать:

Айя-я-я! Я! Айя-я-я-я-йя!

Я – кукарача!

Так ты меня обозвала!

А я не плачу, а я не плачу...

– Ой, Нинуся, ну развеселила меня! Спасибо. Тараканов нам не надо. А печенюшки из куркумы будем, похрустим с чаем!

В ресторане долго не могли понять, чего желает чудная русская, хотя Жанна никакая не русская, а украинка в седьмом поколении. С другой стороны, кто из славян чистой крови? Столько всего намешано за тысячи лет: татары, турки, евреи и разные другие народы появлялись и оставались жить рядом со славянами.

Заказ приняли и печенье в номер доставили, а из чего оно сделано, разве поймёшь! Но не из кукарачи – точно!

На следующий день с утра подруги посетили Коста-ки-са в Лимассоле. Жанне не терпелось определиться с открытием совместной клиники пластической хирургии. Клиника «Блюменталь – Костакис». Звучит! Сидели в приёмной и ждали, когда освободится доктор. Жанна не выдержала и шепнула Нине:

– Маленькое помещение. И район непрестижный. Надо подыскивать другое место.

– Неужели ты этим будешь заниматься?

– Заниматься не буду, а направлять и контролировать буду. Поговорю с Костакисом и сообщу Марку своё мнение.

Из кабинета вышла красивая женщина лет пятидесяти. Статная, породистая, с белозубой улыбкой! Поздоровалась с подругами:

– Калимера! Good morning!

Вслед за ней появился Костакис:

– Жанна! Рад видеть вас в моём скромном заведении. У меня закончился приём, предлагаю вместе пообедать.

Он повернулся к красивой женщине:

– Присоединишься к нам, Павлина? Приглашаю.

Женщина что-то ответила по-гречески и ушла, приветливо помахав на прощанье рукой.

– Жаль, торопится, – сказал Костакис. – Павлина – известный на Кипре юрист. Тоже интересуется пластикой.

– Суперженщина. Я думала, артистка. Мне бы так в будущем выглядеть, когда пятьдесят стукнет, – затараторила по-английски Жанна.

– Павлина постарше. Следит за собой. Да и природа ода-рила её щедро: и внешностью, и здоровьем. Но что-то под-править никогда не помешает.

После обеда подружки вернулись в отель. Стояли на ве-ранде и делились впечатлениями о поездке в Лимассол. Ко-стакис обещал снять офис в «Olimpic residence», новом со-временном жилом комплексе на Sea front в районе набе-режной, где проживает обеспеченная публика. В общем, всё складывалось как нельзя лучше, о чём Жанна с восторгом сообщила по телефону Марку.

– Гульнём сегодня вечером, подруга! – объявила Жан-на. – Ресторан, шампанское. Может, кого-то из знаменитых мужиков зацепим?

– А я красные туфли на высоченных каблуках привезла! И платье серебристое! – подхватила Нина.

– Нинок, смотри, какой мужик классный в шортах! Вон, вон смотрит в нашу сторону!

Мужчина в белых шортах и широкополой синей шляпе стоял у бассейна с бокалом в руках.

– Нина, так это... это... он в фильме «Титаник» снимался. Леонардо зовут!

– Ди Каприо!

– Он самый!

– Ошибаешься, подруга. Ди Каприо не больше сорока. А этому под шестьдесят.

– Какая разница! Всё равно душка. Смотри какой – высокий и стройный.

Мужчина приветственно помахал им рукой и отправился ко входу в отель.

Десять дней отдыха пролетели как один день. Днём на пляже, купались и загорали. А вечерами, после ужина, сидели в баре, пили коктейли, шампанское или просто чай. Слушали музыку. Высматривали интересных мужиков. Да, высматривали, а что тут скрывать? Давешнего Ди Каприо нигде не было видно. Понятно, не Ди Каприо он, ну и что? Всё равно мужчина видный.

– Слушай, где этот Леонардо в шортах? Как сквозь землю провалился! – не выдержала как-то Жанна.

– Утонул, наверно, – безразлично ответила Нина.

– Ты что, Нина! Такие мужики не тонут! Забурился где-нибудь и гуляет.

– Нам-то он на фиг нужен! Как и мы ему.

И вдруг этот самый Ди Каприо появился и прямиком к бару. В белом костюме с синей бутоньеркой в петлице. Джентльмен! Не первой молодости, но красавец-мужчина. Конечно, он сразу заметил подружек. Разве можно не заметить таких дам в элегантных вечерних платьях?

– Добрый вечер, девушки! Как приятно опять встретить вас! – произнёс мужчина по-русски, приложив правую руку

к сердцу, и добавил: – Меня зовут Леонардо!

Нина чуть не поперхнулась коктейлем:

– Ди Каприо?

– Заметили сходство? Нет, я – Лучанский!

– Блюменталь, – Жанна протянула руку, при этом губы её вытянулись трубочкой, явно готовясь к поцелую.

Нина не выдержала и пнула её под столом ногой.

– А это моя подружка Нинель! Знакомьтесь, – добавила Жанна, изобразив на лице приветливую улыбку.

Леонардо не смутился, приложился губами к Жанниной ручке, не отрывая взгляда от лица. А Нину переспросил:

– Нинель, а как мадам Блюменталь зовут?

– Ой, простите, я – Жанна! – тут же отреагировала подружка.

Леонардо оказался учтивым и весёлым московским бизнесменом. То ли торговец химическими удобрениями, то ли металлами. У него офис в Монте-Карло. Он откровенно пялился на Жанну и оказывал ей всяческие знаки внимания. Та, узнав, что у Леонардо свой бизнес в Монако, тоже не сводила с него глаз. Потом Леонардо пригласил девушек в «Юлий Цезарь», казино в Пафосе.

– А не поздно ли приличной девушке в одиннадцать вечера ехать? – засомневалась Жанна.

– Что вы, Жанетта! В самый раз! А потом, приличные девушки приносят удачу азартным игрокам. А я – азартный игрок, намедни проиграл двести тысяч евро. Может, помо-

жете несчастному отыгаться?

И Жанна с явным удовольствием согласилась помочь. Нина же наотрез отказалась.

Нина стояла на балконе своего номера и думала о несправедливости судьбы. У Жанны и так всё есть, и вот на неё целый вечер пялится московский олигарх. Сто лет он не нужен Нине, но обидно же! Накачанная ботоксом Жанна при муже, хорошо устроена, и вот на тебе! Чёрт с ним, с этим Леонардо! Потёртый старый кот. Но всё равно обидно. Чем Нина хуже Жанны? Скорее всего, наоборот, лучше – естественная брюнетка! Свободная. А Жанна даже не скрывала, что она замужем. Тут же выложила всё Леонардо: о муже – пластическом хирурге, о панамском филиале клиники, о намерении открыть бизнес на Кипре.

Небо было усыпано яркими звёздами, маленькими и большими. Праздник огней! В сравнении с небесным звёздным миром тёмное море казалось чужим и опасным. Где-то далеко – один тусклый огонёк. Может быть, рыбацкая шхуна? «А плевать на всё! – подумала Нина. – Жанна заводная, вот мужики и липнут к ней. Пусть развлечётся немного. Лишь бы не попала в какую-нибудь историю. С неё станется». При этой мысли она уснула и проспала до шести утра. Её разбудил звонок:

– Нина, зайди ко мне! Прошу, зайди сейчас же! Не могу оставаться одна! – кричала Жанна.

– Я сейчас! Бегу!

Что опять произошло со взбалмошной подругой?! Проигралась в казино? К удивлению, Нины подруга встретила её весёлая и счастливая. Номер был завален цветами. Цветы были везде: в кресле, на подоконнике, на кровати. Жанна была в том же вечернем платье, но со сверкающей бриллиантами диадемой в волосах.

– Нинуся! Я выхожу замуж за Леонардо! Он сделал предложение.

– Как? Ты ведь замужем! За Блюменталем.

– Нинок, да мы легко разведёмся с Марком. Леонардо всё устроит. Подпишем брачный контракт. Будет роскошная свадьба на Кипре и в Монако. Леонардо всех знает. Он уже договорился с Павлиной, она составит контракт. И доктора Костакиса знает, он согласился быть свидетелем у нас на свадьбе.

– Жанна, ты что такое говоришь? Разведись вначале с Марком! Может, он ещё не даст тебе развод? Может, Леонардо передумает на тебе жениться?!

– Не говори так! Леонардо не передумает! А Марка я оставляю тебе. Я видела, как он на тебя смотрит. Помню, помню, как он в ресторане под столом твою коленку гладил.

Нина смутилась. Вот это да! До сих пор молчала! А каков напор! За одну ночь охомутала олигарха. Она ничего не сказала, только обняла Жанну и расплакалась.

Что взять со взбалмошной подруги? А Жанна – барышня непредсказуемая! Глядишь, в следующий раз выйдет замуж

ещё за какого-нибудь покемона!

Манана – чистая душа

Новый посетитель сразу понравился Кристи. Как только она увидела его входящим в таверну, тут же подскочила к нему:

– Калиспера!

– Добрый вечер, – ответил мужчина по-английски. – На веранду можно?

У него был какой-то странный акцент.

– Пожалуйста. Но там нет кондиционера.

– А мне без разницы, – ответил мужчина и прошёл вперёд, как будто он здесь уже бывал, хотя Кристи видела его впервые.

Достоинством этого маленького неприметного кафе «Ностальгия» считалась большая веранда, выходящая в сад. Здесь не слышен шум улицы, обстановка уютная: покрытые белыми скатертями столики, цветущие кусты роз, деревья – лимонные, оливковые, апельсиновые. Лето было довольно жарким, и сейчас, в конце сентября, жара ещё не совсем спала. Посетители кафе сидели в зале с кондиционером.

Отказавшись от винной карты и меню, приятный гость сразу сделал заказ:

– Бутылку белого вина и фрукты.

– Какое вино вы хотели бы?

– Не важно. Сама выбери.

Кристи отправилась выполнять заказ, но её не покидало любопытство. Довольно симпатичный мужчина среднего роста и лет не старше пятидесяти. Чёрные как смоль волосы, глаза – карие. И говорит с красивым акцентом. Итальянец! Нет-нет, итальянские мужчины не такие, они экспрессивные. А этот какой-то сам в себе. Невесёлый, даже, можно сказать, угрюмый. И разве итальянец останется безразличным к хорошенькой девушке? А Кристи была хорошенькой и знала это. Русоволосая, с короткой стрижкой, чуть-чуть курносая задорная милашка с большими серыми глазами. И пофлиртовать с клиентом она не прочь, если мужчина симпатичный.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.